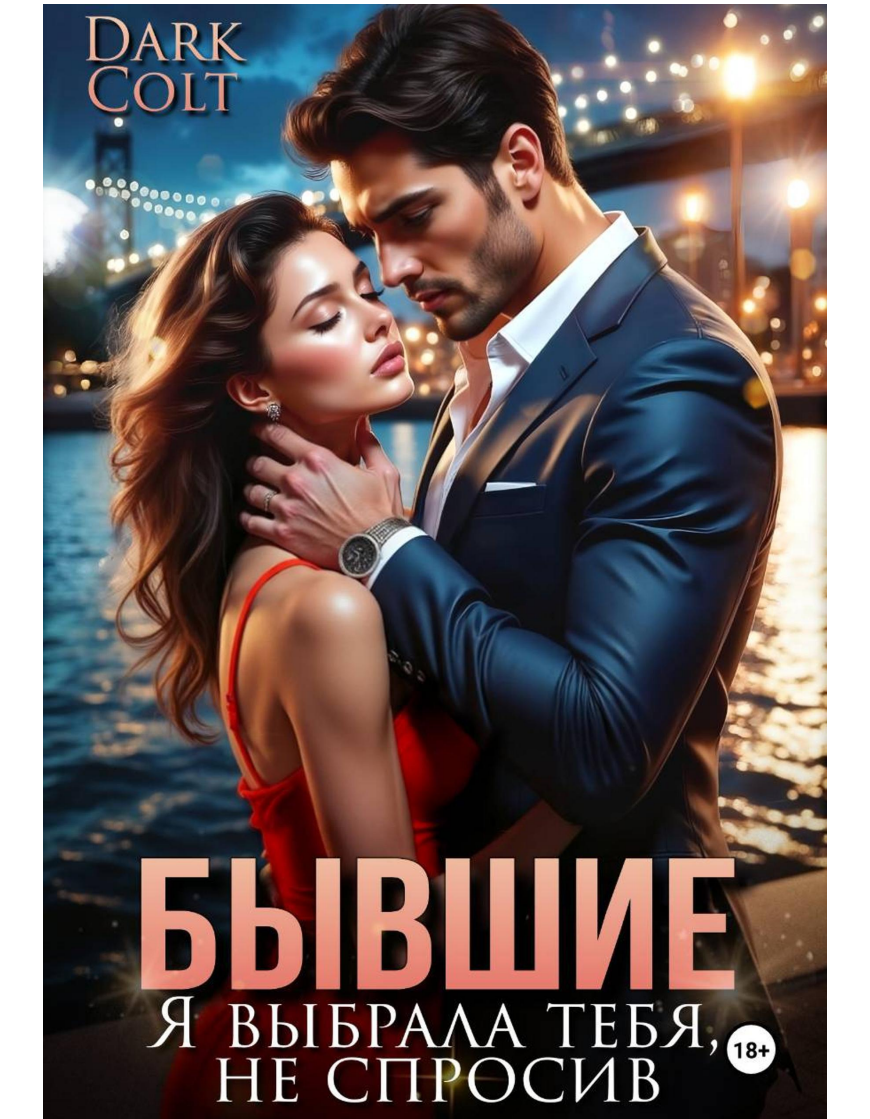

DARK
COLT

БЫВШИЕ

Я ВЫБРАЛА ТЕБЯ,
НЕ СПРОСИВ

18+

Dark Colt

Бывшие. Я выбрала тебя, не спросив

<https://litres.ru/74229003>

SelfPub; 2026

Аннотация

Больше двенадцати лет назад я предала мужчину, которого любила. И стала женой другого. Я думала, это конец.

Однако судьба решила иначе.

Теперь он рядом и смотрит на меня с ненавистью.

Он хочет заставить меня заплатить за прошлое, но не знает, что я плачу за него каждый день. Особенно теперь, когда смотрю в глаза сына и вижу в них слишком много от мужчины, которого так и не смогла забыть.

Здесь вас ждут:

- бывшие, которые не смогли забыть
- сильный, властный герой
- тайны прошлого
- стекло, напряжение и эмоции на грани
- общий ребёнок
- любовь, которая не умерла

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Глава 1. Письмо	6
Глава 2. Палата	18
Глава 3. Васильев	30
Глава 4. Цена жизни	41
Глава 5. Консилиум	51
Глава 6. Возвращение	60
Глава 7. Отель	69
Глава 8. Лифт	82
Глава 9. Ужин	90
Глава 10. Тишина, после удара	98
Глава 11. Утро. Клиника	111
Глава 12. Не туда	118
Глава 13. Точка столкновения	129
Глава 14. Переговоры	135
Глава 15. Без свидетелей	145
Глава 16. Следы	156
Глава 17. Нестабильность	165
Глава 18. Последний вариант	171
Глава 19. Давление	178
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Бывшие. Я выбрала тебя, не спросив

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Bir kam dunyo"

*"Мир, в котором не хватает
самого важного".*

(Тюркская народная мудрость)

В тюркской народной традиции есть выражение — ***bir kam dunyo.***

Так говорят о жизни, в которой, на первый взгляд, всё сложилось правильно: есть дом, семья, работа, статус.

Но внутри — пустота.

Потому что отсутствует нечто важное, без чего мир перестаёт быть целым.

Эта история — именно о таком мире.

О людях, которые когда-то потеряли друг друга, и научились жить дальше, не понимая, что их жизнь стала неполной.

Иногда мы делаем выбор, не спрашивая тех, ради кого он сделан.

И платим за него годами.

Этот роман — о любви, которая не умерла...
а просто оставила мир с изъёмом.

Глава 1. Письмо

Мне снова снится мост.

Он появляется всегда одинаково — внезапно, без начала, будто я не иду к нему, а уже стою посреди. Ночь. Воздух прохладный и влажный. Ветер касается моей шеи, осторожно, почти ласково, и от этого прикосновения по коже поднимается дрожь, как от чужого дыхания.

Под ногами тёмная вода. Она не шумит, не движется. Просто существует, глубокая и равнодушная.

На перилах висят замки. Много. Слишком много.

Сотни. Может, тысячи.

Они висят близко друг к другу, касаясь, тихо звенят, когда ветер становится сильнее. Этот звук невозможно спутать ни с чем — он не металлический. Он живой. Как будто каждый замок хранит чужое дыхание.

Я знаю, что один из них — наш. Мой и его...

Я не ищу его глазами. Мне не нужно. Я чувствую его. Моё тело уже помнит, где он.

Он стоит рядом со мной.

Я не вижу его лица. Только плечо. Только тепло его руки, сжимающей мою ладонь. Его пальцы переплетены с моими крепко, уверенно, будто в этом жесте уже есть ответ на всё, что будет дальше.

— Навсегда, — говорит он тихо.

Его голос звучит не в ушах. Внутри меня. Под рёбрами. Я киваю.

Он достаёт ключ. Маленький, холодный. Вкладывает его в мою ладонь. Наши пальцы соприкасаются. Этот момент длится дольше, чем должен.

— Вместе, — говорит он.

Мы отпускаем ключ одновременно. Я смотрю, как он падает. Маленькая вспышка в темноте. Короткий отблеск. И потом, исчезает.

Замки на перилах звенят сильнее. Ветер поднимается. Мост под ногами будто дышит. Я знаю, что теперь мы не расстанемся никогда. Но, именно в этот момент меня накрывает чувство, которого не должно быть.

Страх.

Острый. Безжалостный.

Моё тело понимает то, чего ещё не понимает разум. Это ложь...

Страх поднимается резко, как холодная вода, в которую меня толкают без предупреждения. Я ещё стою рядом с ним. Его пальцы всё ещё держат мою руку. Но, я уже знаю, что однажды отпущу его руку...

Я резко просыпаюсь.

Воздух врывается в лёгкие слишком резко, как после удара. Сердце бьётся быстро, тяжело, словно пытается вырваться. Простыня под ладонями влажная. Пальцы холодные. В

комнате темно, только тонкая полоска света от окна режет пространство на две части. Воздух тяжёлый, неподвижный.

Лежу неподвижно, слушая собственное дыхание.

Прошло больше двенадцати лет. А этот сон всё ещё находит меня. Будто кошмар, который преследует без устали.

Я поворачиваю голову. Через приоткрытую дверь виден слабый свет ночника в комнате сына. Он всегда оставляет его включённым. Не потому, что боится темноты, а потому что привык быть готовым проснуться в любую секунду. Возможно, это у него подсознательно...

В этом он похож не на ребёнка.

На человека, который живёт настороже.

В доме тихо.

Слишком тихо.

Я знаю это ощущение. Герман уже проснулся. Он всегда просыпается в пять. Без будильника. Без лишних движений. Это осталось с армии, с тех лет, о которых он никогда не рассказывает подробно. Я иногда слышу, как он проходит по коридору. Шаги ровные, почти бесшумные. Как будто он всё ещё проверяет периметр.

Сегодня я не слышала, как он вышел. Но его уже нет. В спальне холоднее, чем обычно.

Я медленно выдыхаю.

Это был просто сон.

Просто мост, который давно остался в прошлом... которое не имеет права возвращаться.

Я заставляю себя закрыть глаза снова, но уснуть уже невозможно. Тело уже не подчиняется. Оно помнит слишком хорошо. Оно всё ещё помнит тепло чужой руки. Так ясно, будто это было вчера.

Утро наступает незаметно.

Я стою у кухонного окна и машинально помешиваю чай. Делаю это медленно, по кругу, не глядя в чашку. За стеклом тянется утренний город — огни, движение, чужие жизни, в которых ничего не ломалось прямо сейчас. Обычный день. Работа. Усталость. Дом. Всё было выстроено и отмерено, как давно отлаженный протокол: без сбоев, без лишних эмоций. Так я и живу много лет. Так было безопаснее.

Ложка звякнула о фарфор слишком резко. Я только тогда замечаю, что сжимаю её сильнее, чем нужно. В запястье неприятно кольнуло.

Телефон завибрировал внезапно, напоминая о действительности. Выдергивая меня из цепких сетей сна, что продолжали держать за горло словно клещами даже сейчас, наяву.

Вибрация была короткой, но настойчивой. А номер незнакомым.

Я перевожу взгляд на экран и не отвечаю сразу. Не потому, что сомневаюсь, а потому что внутри поднимается то

самое чувство, глухое, предупреждающее. Оно всегда появляется за секунду до того, как что-то необратимое входит в мою жизнь. Так реагирует тело, когда разум ещё не понял, но уже знает.

Сообщение было сухим. Официальным.

«Состояние здоровья Сергея Алексеевича Громова — тяжёлое. Рекомендуются прибытие ближайших родственников».

Я перечитала его один раз. Потом второй. Потом третий — уже не вчитываясь, а словно проверяя, не исчезнет ли текст, если смотреть достаточно долго.

Имя отца не вызывает боли сразу. Сначала внутри стало пусто. Тихо. Как будто внутри меня есть место, куда больше ничего не доходит. А потом где-то под рёбрами ударило — тупо, знакомо, как по старому шву. Он давно не болел каждый день. Но стоило прикоснуться, и я вспомнила, что он был.

Мои пальцы сжимаются вокруг телефона, и я только тогда понимаю, что не дышу. Чай остыл. А я всё ещё держу ложку в другой руке, будто забыла, зачем она у меня в руке.

— Мам? — доносится голос сына из его комнаты, — Ты дома?

Я делаю судорожный вдох, слишком глубоко, словно перед погружением.

— Да, — отвечаю я, и чувствую, что голос прозвучал быстрее, чем хотелось бы, — Уже собираюсь на работу.

Убираю телефон экраном вниз. Не чтобы спрятать, а потому что не могу на него смотреть. Делаю шаг, второй, и только в коридоре понимаю, что иду слишком быстро. Как по тревоге. Как на вызов, где нельзя терять ни секунды.

Привычка.

Сын сидит на кровати и складывает тетради в рюкзак. Он делает это каждый вечер, но утром педантично перепроверяет, аккуратно, методично. Порядок успокаивает его так же, как когда-то успокаивал меня.

— Ты чего такая? — спрашивает он, сразу подняв голову. Не «что случилось». Не «кто звонил».

Он просто чувствует.

Я замираю у двери. На секунду ловлю себя на том, что стою, не моргая.

— Ничего. Всё нормально, — быстро отвечаю, и тут же понимаю, что нагло вру.

Он смотрит внимательно. Тихо. У него взгляд ребёнка, который слишком рано научился наблюдать за взрослыми, потому что иначе нельзя.

Слишком серьёзный для своего возраста.

И по его взгляду понятно, что он не верит. Он никогда не верит, когда я говорю «ничего».

— На работе? — уточняет он, скрывая волнение в голосе. Я осторожно подхожу ближе, сажусь рядом. Провожу ру-

кой по его волосам, медленно, будто этим движением можно удержать равновесие. Этот жест всегда успокаивает меня больше, чем его. При нём я позволяла себе то, чего не позволяла больше ни с кем: не знать, что правильно.

— Мне пришло сообщение, — говорю я тихо, — Нужно уехать на некоторое время.

Слова звучат спокойно. Будто я говорю о работе. О конференции. О чём-то временном.

Он замер на секунду, затем, не спрашивая «куда», уточняет другое:

— Надолго?

Я нервно сглатываю и отвожу взгляд в сторону.

— Не знаю, — вырывается на выдохе.

Я действительно не знаю.

Он кивает головой задумчиво.

— Я поеду с тобой.

Не вопрос. Решение.

Я смотрю на него. И впервые думаю о том, что он может увидеть.

Он уже совсем взрослый. Ему скоро двенадцать. И он смыслённый не по годам. Даже на голову выше своих сверстников.

Всегда внимательный и заботливый.

Ощущаю, как в груди растапливается тепло. Нежно улыбаюсь сыну и мягко провожу рукой по его щеке.

— Если хочешь.

Он осторожно обнимает приблизившись, и уверенно произносит:

— Я хочу.

В этот момент становится по-настоящему больно. Потому что я понимаю, что оставить его, значит снова пойти одной. Спрятать. Закрыть. Сделать вид, что так правильно. И потом жить с этим ещё годы.

Ведь Лёша даже не знает о том, что у него есть дед. Как и отец, не в курсе о существовании внука.

— Ты поедешь со мной, — решительно подвожу я итог,
— Если хочешь.

Телефон вибрирует снова. На экране высвечивается имя мужа.

Герман.

Я смотрю на его имя, и тело реагирует раньше, чем я успеваю подумать. Пальцы холодеют. Спина выпрямляется сама собой. Это рефлекс. Выученный. Закреплённый годами.

Давно пора было привыкнуть... только за столько лет, это никак не прошло. Инстинкт срабатывает, как отлаженный механизм.

Я закрываю глаза на секунду, прежде чем ответить.

— Да.

— Ты дома, — говорит он.

Не вопрос.

Утверждение.

Он всегда знает. Водитель своевременно докладывает

ему, если что-то идёт не по плану.

Я сглатываю.

— Да.

После короткой паузы, Герман спрашивает:

— Почему ты не на работе?

Он знает мой график лучше, чем я сама.

Я провожу ладонью по шее. Кожа всё ещё помнит холод ветра из сна.

— Мне написали. Отец в тяжёлом состоянии.

Тишина на другом конце заполняет всё пространство помещения.

— Он всё ещё жив, — произносит Герман.

Это не вопрос.

Это звучит, как недовольство.

Я чувствую, как внутри сжимается что-то мягкое, уязвимое.

— Да.

Тишина. Я почти слышу, как он перестаёт двигаться. Как фиксируется.

— И что с ним? — голос его ровный, без удивления, без сочувствия.

Ощущаю себя, как на допросе, и всё же отвечаю:

— Он при смерти.

Слова даются тяжело. Горло сухое.

Герман молчит. Дольше обычного. Я знаю, что сейчас он думает. Он всегда думает быстро.

— И ты собираешься поехать, — говорит он наконец.
Не спрашивает. Констатирует.

Я закрываю глаза.

— Да.

Тишина становится плотнее.

— Не думаю, что это верное решение, — произносит он спокойно.

У меня перехватывает дыхание. Я знаю этот тон. Он не повышает голос. Никогда. Ему не нужно. Его «нет» не обсуждают.

Я опираюсь ладонью о подоконник, потому что внезапно становится трудно стоять.

— Герман... он умирает...

— Мы договаривались, Ада, — произносит он мягче.

И от этой мягкости внутри всё сжимается сильнее, чем от крика. Я медленно прислоняюсь лбом к окну. Холод стекла возвращает меня в тело.

— Я поеду ненадолго, — говорю я.

Он не отвечает сразу.

Он никогда не отвечает сразу, когда хочет, чтобы я услышала себя.

— Ты уверена, что тебе это нужно? — почти заботливо спрашивает он.

Почти.

А я чувствую, как в груди поднимается что-то тяжёлое. Старое.

— Да.

Тишина длится дольше обычного. Он не спорит. Не за-
прещает.

Он делает хуже.

— Хорошо, — говорит он наконец.

Я выдыхаю слишком рано.

— Я поеду с тобой.

Слова ложатся спокойно. Будто так и должно быть.

Мои пальцы непроизвольно сжимаются. Я не была готова
к такому.

— Это не обязательно.

Он усмехается тихо.

— Обязательно, — отвечает он, — Ты давно там не была.

Он не спрашивает, хочу ли я этого. Он уже решил.

— Я обо всём позабочусь, — продолжает он, — Отель.
Машину. Всё, как нужно.

Я молчу.

— Когда ты выезжаешь?

— Сегодня.

— Хорошо.

И вновь многозначительная пауза, а затем, в голосе звучат
строгие нотки:

— Ада.

Я замираю.

Его голос не повышается. Но я всё равно перестаю ды-
шать.

— Помни, — произносит он спокойно, — Мы делаем выбор один раз.

На другом конце провода секундная пауза. Слышу, как Герман переводит дыхание, ровно, спокойно, уверенно и продолжает:

— И живём с ним всю жизнь.

После чего, связь обрывается.

Я продолжаю стоять у окна. Телефон всё ещё в моей руке. Пальцы сжаты так сильно, что начинает болеть. Но я не разжимаю их. Потому что знаю — эта боль, которую я выбрала сама.

Я не еду в отчий дом.

Я возвращаюсь туда, где однажды перестала существовать.

В город, где я оставила себя.

Глава 2. Палата

Я понимаю, что не готова к встрече с отцом через столько лет. Но мы приехали. Сборы были максимально быстрыми.

Мне страшно.

Въезжаем в мой родной провинциальный городок, и я уговариваю себя взять в руки. Собраться. И думаю, наконец, что готова. Ведь я готовлюсь всю дорогу. Готовлюсь, пока машина въезжает в город. Пока знакомые улицы появляются одна за другой, будто кто-то листает старые фотографии без моего разрешения. Пока мы останавливаемся у клиники.

Но это ложь.

Я не готова.

Но я всё равно выхожу из машины.

Герман остаётся снаружи лишь на минуту. Говорит, что у него дела. Что вернётся позже. Он не задаёт вопросов и не даёт советов. И от этой сдержанности становится только страшнее. Потому что я знаю, он всё равно контролирует каждый мой шаг.

Я остаюсь одна.

Только я и сын.

И дверь, за которой лежит человек, который однажды перестал быть моим отцом.

Дрожь накатывает с ног до головы. Пока мы поднимаемся

по лестнице клиники. Пока открывается дверь палаты.

Рука сама замедляется на ручке. Она холодная. Я не открываю сразу. Лёша стоит рядом. Я чувствую его плечо возле своего. Он не говорит ничего. Только ждёт. Он всегда чувствует, когда мне трудно.

— Всё нормально, — говорю я тихо.

Ложь!

Кому я вру?!.. не понимаю...

Себе?

Окружающему миру?..

Я нажимаю на ручку. Дверь открывается слишком легко. Отец лежит у окна. Свет падает на его лицо сбоку, подчёркивая то, чего раньше не было. Впалые щёки. Острые скулы. Кожа стала тонкой, почти прозрачной. Он кажется меньше. Как будто часть его уже ушла, а тело осталось.

Я останавливаюсь на пороге.

Не могу сделать следующий шаг.

В груди становится пусто. Не больно. Хуже.

Пусто.

И вдруг отдаёт болезненными спазмами.

Это не тот человек, которого я помню.

Это оболочка. Он будто меньше, чем я помню.

Мне нужно сделать шаг.

Хотя бы один.

А я не могу.

— Мам? — тихо говорит Лёша рядом.

Я чувствую его пальцы в своей ладони. Он сжимает их сильнее. Как будто поддерживает меня. Этот жест возвращает меня в тело. И я делаю шаг. Потом второй. Движение даётся тяжело, будто воздух стал плотнее.

Каждый шаг — усилие.

Пол под ногами кажется чужим.

— Пап, — произношу я.

Мой голос звучит тише, чем я ожидала.

Его глаза открываются не сразу. Сначала едва заметно дрожат ресницы. Потом он смотрит на меня.

Он узнаёт.

Я вижу это сразу.

В его взгляде нет удивления.

Нет радости.

Только тяжёлая, холодная осознанность. Как будто он ждал этого момента. Но не хотел.

Мы смотрим друг на друга слишком долго. Я не знаю, что сказать. Все слова, которые я готовила всю дорогу, исчезают. Остаётся только дыхание. И стук сердца.

Между нами проходит что-то острое. Старое.

Он молчит.

Просто смотрит.

Этот взгляд хуже любых слов.

— Я приехала, — говорю я.

Глупая фраза. Ненужная.

Он и так видит.

Его взгляд медленно опускается ниже.

На Лёшу.

Он смотрит на него внимательно. Медленно. Изучающе. Я чувствую, как напрягается тело сына рядом со мной. Выпрямляется.

Он не прячется.

Он никогда не прячется.

— Это мой сын, — говорю я, — Твой внук.

Мой голос звучит ровно. Только пальцы дрожат.

Отец снова смотрит на меня. И, даже сейчас, в его взгляде нет радости. Нет облегчения.

Только усталость.

И что-то ещё.

Долгое молчание давит на плечи.

— Ты всё-таки решила вспомнить, что у тебя был отец, — произносит он.

Его голос слабый. Хриплый. Каждое слово даётся ему тяжело. Но в нём всё ещё есть та же твёрдость.

Я не понимаю сразу, что он имеет в виду.

И понимаю одновременно.

Сознание вырывает из контекста лишь одно слово, отчего кровь стынет в жилах.

Был отец...

Не «есть».

Был.

Как будто меня уже давно вычеркнули из его жизни окон-

чительно...

Чувствую, как внутри что-то сжимается, но заставляю себя игнорировать его пренебрежение.

Он снова смотрит на Лёшу.

— Подойди, — говорит отец слабым голосом.

Лёша смотрит на меня. Я одобрительно киваю, и он подходит ближе к кровати.

Отец изучает его лицо так внимательно, что мне становится трудно дышать.

Как будто ищет что-то.

И находит.

Я вижу момент, когда это происходит. Едва заметно. Но я вижу. Он закрывает глаза. На секунду.

— Как тебя зовут? — его голос ослабевает с каждой минутой.

— Алексей.

Отец вздрагивает почти незаметно, прикрыв веки. Моё сердце пропускает удар. Он снова открывает глаза. И впервые за всё это время смотрит на меня иначе.

Не мягче.

Хуже.

— Ты назвала его в честь деда? — спрашивает он тихо.

Я не отвечаю. Он и так знает ответ. В палате становится слишком тесно. Я не принадлежу этому месту. Никогда не принадлежала.

Неосознанно опускаю взгляд. Виновато. Украдкой. Делаю

глубокий вдох и на выдохе спрашиваю:

— Как ты себя чувствуешь?

Глупый вопрос.

Он усмехается. Слабо.

— Достаточно, чтобы понимать, кто пришёл.

Каждое слово режет. Я чувствую, как внутри поднимается что-то тяжёлое. Болезненное. Он отворачивается к окну. Как будто устал. Как будто разговор закончен. А я стою рядом.

Лишняя.

Не знаю, куда деть руки.

— Я выйду на минуту, — говорю я Лёше тихо.

Он смотрит на меня внимательно. С пониманием. Кивает.

Я выхожу из палаты, и останавливаюсь. Дверь закрывается за моей спиной. Тихо и осторожно, будто я боюсь потревожить отца еще и этим звуком.

Прислоняюсь к ближайшей стене, и только тогда понимаю, что не дышала.

Воздух в коридоре холоднее. Я делаю судорожный вдох. Потом ещё один. Воздуха будто не хватает. Не могу надышаться. Хватаюсь за горло, словно это сможет усмирить бурю внутри меня, что поднялась из глубоких недр подсознания.

Мне нужно что-то сделать. Не могу найти себе места. Какая-то нелепая энергия внутри меня толкает на безумства... только какие?!

Сама еще не осознаю.

Мне нужно найти врача.

Нужно что-то спросить.

Что угодно.

Просто чтобы не возвращаться туда сразу.

Я делаю шаг вперёд. И в этот момент чувствую необъяснимое.

Сначала — не глазами.

Телом.

Как будто пространство меняется. Становится плотнее. Тяжелее. Будто воздух в коридоре внезапно перестаёт принадлежать мне одной.

Я поднимаю голову.

И вижу его.

Кирилл...

Имя вспыхивает внутри без звука.

Сердце пропускает удар и ухает куда-то вниз, оставляя в груди пустоту. Мало того, что воздуха не хватало пару минут назад, так теперь словно удавку затягивают на шее. Вдох не входит до конца, кислород становится ничтожно малой роскошью.

Я отворачиваюсь резко, почти грубо, делаю вид, что меня заинтересовал стенд на стене. Стекланная панель с новыми медицинскими технологиями, графики, слова, схемы... Я смотрю на буквы, но не понимаю ни одной. Всё расплыва-

ется. В глазах щиплет, будто туда насыпали песка.

Но я всё равно чувствую его.

Даже не глядя.

Он идёт по коридору в мою сторону.

Не один.

Рядом с ним врачи. Белые халаты, планшеты, быстрые слова. Они что-то рассказывают, показывают. И я понимаю это не по смыслу, а по тому, как они держатся: чуть внимательнее, чуть собраннее, будто рядом с человеком, чьё «да» значит больше, чем их диагнозы.

Он слушает. Спокойно.

Уверенно.

Потом поднимает голову. И на секунду его взгляд касается меня. Всего на долю секунды. Но этого достаточно, чтобы весь окружающий шум исчез. В ушах поднимается гул, как после удара. Я перестаю слышать коридор, шаги, голоса. Слышу только себя. Собственный пульс и дыхание, которое никак не хочет стать ровным.

Его лицо остаётся неподвижным.

Взгляд — стеклянный, холодный, нечитабельный.

Он переводит глаза обратно на собеседника, будто меня не существует.

Будто я — часть стены. И это... большее, чем если бы он остановился.

Я делаю вид, что ищу медперсонал у стойки, заставляю лицо стать пустым. Маска безразличия натягивается с тру-

дом, как бинт на живое.

А внутри — взрыв.

И время останавливается.

Воспоминания вспыхивают так резко, что на секунду мутнеет в глазах.

Он становится ближе.

С каждым шагом.

Высокий.

Знакомый до боли.

Я ничего не слышу. Потому что всё внутри меня замирает. И чем ближе он подходит, тем отчётливее я понимаю... время не забрало его. Оно выковало.

Я узнаю его не по лицу — по присутствию.

По тому, как пространство вокруг него подстраивается. Как люди рядом инстинктивно замедляются, слушают внимательнее, держатся чуть прямее. Он не повышает голос, не делает лишних движений. Ему и не нужно. Он словно живёт в той точке, где власть не демонстрируют. Её просто ощущают.

Я позволяю себе посмотреть на него всего на мгновение.

Коротко. Почти незаметно. Но этого хватает, чтобы взгляд предательски зацепился за детали.

Волосы темнее, чем я помню, но у висков проступает тонкая, почти незаметная проседь. Она не старит. Она делает его опаснее. Придаёт ту тяжесть прожитых лет, которой раньше не было.

Он выше, чем в моей памяти. Или это я стала меньше...

На нём тёмный костюм — дорогой, безупречный, сидящий так, будто был создан для него одного. Никаких ярких деталей. Никакой показной роскоши. Только уверенность человека, который больше ничего никому не доказывает.

Лицо стало жёстче.

Исчезла та открытость, которую я помню. Осталась линия скулы, напряжение челюсти, взгляд — тяжёлый, прямой, привыкший не просить, а брать.

Это больше не тот мужчина, которого я когда-то любила. И которого предала...

Это мужчина, которого слушают. Мужчина, которого уважают. Судя по тому, как внимательно внемлют врачи его словам.

И всё же моё тело узнаёт его раньше, чем разум успевает защититься.

Сердце срывается с привычного ритма.

Слишком быстро.

Слишком сильно.

Как будто эти двенадцать лет никогда не существовали.

Я говорю себе, что это невозможно. Герман ясно дал понять, что он покинул пределы страны еще тогда. В далёком прошлом. Что Кирилл давно «вне доступа», «вне страны», «вне моей жизни».

Но он здесь.

Настоящий.

Реальный.

Его взгляд скользит по коридору, и останавливается на мне.

В этот момент время перестаёт существовать.

Прошрое...

Настоящее...

Всё смешалось.

Он будто не узнаёт.

В его глазах нет удивления. Ни один мускул не дрогнул. Никаких эмоций.

Только что-то тёмное. Глубокое.

Он не останавливается.

Продолжает идти.

И я тоже.

Я ловлю взглядом стойку медперсонала, как спасательный круг, как точку, за которую можно держаться. И шагаю туда ровно, уверенно, будто меня действительно волнует только регистратура.

Мы идём навстречу друг другу. А я не смотрю по сторонам. Только вперёд. Не даю себе шанса дрогнуть. Иду и чувствую каждый шаг. Каждый вдох. Каждый удар сердца.

Я должна пройти мимо.

Я обязана пройти мимо.

Сердце продолжает бешено колотиться в груди. Воздух становится другим. А я заставляю себя идти.

Не медленно.

Не быстро.

Просто идти.

И в последний момент...

Прохожу.

Как будто он посторонний.

Как будто внутри меня ничего не происходит.

Но тело не умеет врать.

Я чувствую его тепло, когда он проходит рядом. Чувствую кожей. Каждой клеткой.

Слишком близко.

Слишком знакомо.

Мышцы на спине сводит, как от ожидания удара.

Я продолжаю идти. Не оборачиваюсь. Не останавливаюсь. Не позволяю себе ничего. Не имею права. Но я знаю, что он тоже не остановился. Не потому, что не узнал.

Узнал!

И всё равно безразлично прошёл мимо.

Как и я.

Мой мир в этот миг рушится на осколки — тихо, без звука... но окончательно.

И я всё ещё иду вперёд... а прошлое уже догоняет меня по шагам.

Глава 3. Васильев

Я иду по коридору, но не чувствую ног. Как будто тело движется само, без моего участия. Как механизм, который забыли выключить. В груди всё ещё гудит после мимолётной встречи с ним. Не мыслью. Не воспоминанием. Присутствием. Оно осталось в воздухе, в коже, в крови. Как ожог, который не видно, но невозможно не чувствовать.

Я смотрю прямо перед собой, не позволяя себе остановиться. Если остановлюсь — сломаюсь.

Мне нужен воздух. Мне нужно действие. Мне нужно хоть что-то, за что можно зацепиться, чтобы не провалиться обратно в те двенадцать лет, которые я выживала, а не жила.

Пока иду, мысленно вынуждаю себя собраться.

До административной стойки всего несколько метров, но расстояние растягивается, как во сне. Я иду, но кажется, что не двигаюсь. Люди вокруг становятся ближе, а я будто остаюсь на месте.

Я замедляюсь, в надежде остановить этот безумный хаос перед глазами. Будто, если замедлю шаги, внутри тоже станет тише.

Только... не становится.

Клиника пахнет дорогой чистотой: антисептик без резкости, кофе из автомата, полироль на дереве у стойки админи-

стратора. Здесь всё устроено так, чтобы человек не чувствовал, как близко к нему смерть. Как будто светлые стены и мягкие ковры могут уговорить сердце биться дольше.

Мне это близко и знакомо. Но сейчас не приносит покой.

Наконец, я останавливаюсь у стойки. Пальцы всё ещё холодные. Внутри всё дрожит и я с трудом заставляю себя произнести слова.

— Мне нужно поговорить с лечащим врачом Сергея Алексеевича Громова... — голос садится, когда я произношу фамилию, — Я его дочь.

Девушка поднимает глаза. Внимательно, коротко оценивая меня — одежду, лицо, уверенность. Здесь так смотрят на всех: кто платит, кто жалуется, кто плачет.

— Ваше имя?

Я делаю вдох.

— Ада Сергеевна... Савельева.

Фамилия по мужу ложится на язык ровно, как броня.

— Сейчас уточню, — говорит администратор и набирает номер.

Пока она говорит в трубку, я смотрю на стеклянную стену напротив, за ней виден коридор, двери палат, люди в форме, медсёстры. Всё движется. Живёт. И только я стою неподвижно. Словно я умерла повторно, когда он прошёл мимо.

Прошёл так... будто я никто.

Когда-то он не позволял мне уходить даже на шаг.

Когда-то его руки находили меня вслепую...

Внутри меня всё ещё стоит этот момент.

Его лицо.

Его безразличный взгляд... невзначай...

А ведь, когда-то этот же взгляд смотрел на меня иначе. Эти глаза закрывались, когда он целовал меня, будто боялся, что я исчезну. Эти же губы шептали моё имя так тихо, будто это была молитва.

Теперь я для него никто.

Внутри снова раздался тот же звук.

Тихий. Глухой.

Как тогда. Когда сердце моё треснуло... я ушла, но оно осталось с ним.

Я не удивляюсь. Тело уже знает, как это переживать. Оно тренировалось двенадцать лет. С той самой последней ночи, когда он держал меня так крепко, будто мы принадлежали друг другу навсегда.

И только это осознание позволяет мне держать лицо. Не рассыпаться прямо здесь.

Девушка кладёт трубку.

— Доктор Васильев примет вас. Кабинет 214.

Я киваю и иду. Внутри всё натянуто так, будто я держу себя руками, чтобы не рассыпаться.

Каждый шаг даётся усилием. Я не имею права дрожать. Не имею права быть слабой.

Я уже давно научилась выживать.

Стучу в дверь.

— Войдите, — слышу ответ за дверью и вхожу.

Кабинет просторный, светлый. У окна стоит высокий мужчина лет пятидесяти с аккуратной сединой на висках. У него спокойное лицо врача, который видел слишком много и научился не показывать эмоции. Он поднимается навстречу.

В этом движении — уважение.

Не ко мне.

К ситуации.

— Андрей Викторович Васильев. Лечащий врач Сергея Алексеевича.

Я подаю руку. Его ладонь тёплая. Сильная. В этом рукопожатии нет сочувствия, только профессиональная уверенность.

— Ада Сергеевна Савельева, — произношу я, — Я... его дочь.

Слово «дочь» царапает горло, будто я произношу его впервые.

Он кивает, предлагая мне сесть. Я опускаюсь в кресло, но тело остаётся напряжённым.

— Я понимаю, что вы переживаете, но давайте по порядку. Ваш отец поступил к нам в тяжёлом состоянии. Сейчас он в сознании, но... — он делает паузу, подбирая формулировку, — Его сердце работает на пределе.

Я слушаю и ловлю себя на странном: я не чувствую слёз. Только холодную концентрацию, как перед сложным дежурством.

— Что именно? — спрашиваю я.

— Хроническая сердечная недостаточность на фоне ишемической болезни, — отвечает он, — Плюс аритмия. Сейчас, декомпенсация. Мы стабилизируем, но прогноз...

Он замолкает, оставляя слово «прогноз» висеть в воздухе. После того, как каждое его слово звучало как медицинский приговор.

Понятный.

Безжалостный.

— Он перенёс инфаркт? — спрашиваю я, не понимая за чем, ведь я, итак, помню, тот злосчастный день двенадцатилетней давности, когда это произошло впервые.

Врач чуть приподнимает брови.

— Да. Судя по данным, несколько лет назад. По всей видимости, на ногах. Не долечился.

Я не удивляюсь.

Отец всегда переносил всё «на ногах». Боль, стресс, бессонные ночи. Он не признавал слабости. Ни перед людьми, ни перед собой.

— Какие показатели сейчас? — спрашиваю я и слышу в своём голосе то, что слышала в голосах коллег: врачебную жесткость, за которой прячется страх.

Сейчас он звучит также, как бы я не старалась.

Профессионально.

Как будто это не мой отец.

Как будто это пациент.

Васильев замечает.

— Вы врач?

Я киваю.

Андрей Викторович смотрит на меня внимательнее.

— Да, — мой голос уже звучит более собранно.

— Какая специализация?

Я делаю паузу, будто решаю, говорить или нет. Но я уже здесь. И он уже слышит меня.

— Реанимация. Детская.

Он молчит секунду, будто сопоставляет. И вдруг, в его глазах вспыхивает понимание.

— Где вы работаете, Ада Сергеевна?

— В Национальном центре критической медицины... в столице, — как на автомате звучит мой ответ.

Я не произношу пафосно. Просто как факт. И вижу, как его взгляд меняется. Не потому, что впечатлился. Врачи редко впечатляются.

Потому что понял уровень.

Название центра слишком громкое, чтобы о нем не слышали даже в любой глуши огромной страны.

Он узнаёт.

Это видно сразу. Не по эмоциям. По паузе.

— Тогда вы понимаете, насколько всё серьёзно, — тихо говорит он.

Я наклоняюсь вперёд.

— Я хочу посмотреть его карту, — произношу я уже более уверенно.

Это звучит резко. Почти дерзко. Но я не прошу. Я привыкла отвечать за жизни.

Врач изучает меня секунду. И вместо раздражения я вижу уважение.

— Конечно, — он открывает электронную карту на планшете, разворачивает ко мне, — Вот данные. Анализы. Эхо. Холтер.

Я читаю.

Быстро.

Чётко.

Цифры складываются в диагноз раньше, чем заканчивается строка.

Сердце изношено.

Давно.

Не сейчас.

Годами.

Стрессом.

Гордостью.

Одиночеством.

— Базовая терапия корректная, — говорю я тихо, — но ему нужен более агрессивный контроль дыхания. И, возможно, пересмотр диуретиков.

Он не спорит.

— Мы делаем всё возможное.

Я знаю. Я вижу. Я понимаю. И именно поэтому это страшнее всего. Потому что иногда «всё возможное» — недостаточно.

Мы молчим. Несколько секунд.

— Он не должен задыхаться, — говорю я скорее себе, просто мыслю вслух.

— Мы усилили схему, насколько позволяет его давление... — отвечает врач спокойно, — но, честно, сердце изношено.

Я стискиваю зубы. Выдерживаю паузу. В кабинете становится так тихо, что слышен звук кондиционера.

— Я понимаю, — произношу я наконец, — Спасибо, что говорите прямо.

Андрей Викторович кивает, потом говорит:

— Простите, что спрашиваю... но вы приехали из столицы только ради него?

Я киваю.

— Да.

Он колеблется. Это видно.

Я смотрю на него внимательно. И он, будто решившись, произносит:

— Простите. Я понимаю, что это может прозвучать неуместно...

Я не отрываю взгляда, показывая, что вся во внимании.

Он продолжает:

— У нас в детской реанимации лежит ребёнок. Девочка.

Девять лет. Состояние нестабильное. Мы созвали консилиум, но... — он смотрит на меня, а я даже перестаю моргать, моя врачебная сущность уже сконцентрирована на проблеме, — Если вы действительно из критической медицины... возможно, вы увидите то, что ускользает от нас.

Я молчу секунду. Это обращение обескураживает.

Я приехала сюда, как дочь. Но врач внутри меня не умеет проходить мимо. Не умеет отворачиваться от умирающего ребёнка.

Я закрываю глаза на секунду.

Вдох.

Выдох.

И понимаю, что выбора у меня нет. Это очевидно, врач всегда побеждал внутри меня. Клятва Гиппократа. Успеть. Спасти.

— Что с девочкой? — спрашиваю я.

— Подозрение на тяжёлое сосудистое осложнение, — отвечает он взволнованно, — Нейро-симптоматика. Судороги. Мы держим её на поддержке, но причина не ясна. Нужны решения. Возможно, дорогостоящая диагностика и оборудование, которых у нас сейчас нет.

Я слышу последние слова особенно ясно.

Провинциальные городки всегда в ожидании чуда. В ожидании инвесторов и их представителей. Пока решаются судьбы пациентов.

Внутри меня всё сжимается. Нервно сглатываю, понимая,

что возможно для девочки это последний шанс.

— Я могу посмотреть, — говорю тихо, ощущая его напряжение в ожидании ответа, — Но я не обещаю чудес.

Врач выдыхает. Как будто держал дыхание всё это время.

— Мне достаточно, что вы посмотрите.

Я встаю. И чувствую, как снова становится трудно дышать.

Потому что это означает одно.

Я не смогу остаться безразличной к судьбе ребенка.

А это значит, предстоит сложный и долгий разговор с Германом, чтобы объяснить необходимость задержки в городе на больший срок, нежели мы планировали.

Я приехала лишь проститься с отцом. Но, сейчас чувствую себя так, будто вхожу в чужую жизнь.

В этот город.

В эту клинику.

В то место, где в коридоре только что прошёл мужчина, которого моё тело узнало раньше разума.

И хочется поскорее сбежать в столицу. Обратно домой.

Внутренне усмехаюсь себе, при слове «дом». И подсознание ехидно подсказывает замену слов.

В клетку.

Золотую клетку.

Я выхожу из кабинета уставшая. Скорее разбитая и потерянная.

И понимаю, что уехать просто так не смогу. Потому что

здесь умирает не только мой отец. Здесь лежит ребёнок, который ещё не успел начать жить.

И я не имею права повернуться спиной.

Глава 4. Цена жизни

Я выхожу из кабинета Васильева медленно, как будто если пойду слишком быстро, всё произойдёт раньше, чем я буду готова.

Коридор тот же. Те же стены. Те же двери. Но внутри меня уже ничего не так. Слова врача продолжают звучать в голове. Диагноз. Сердечная недостаточность. Изношенное сердце.

Изношенное.

Как будто сердце — механизм, который можно заменить.
Как будто отец — просто пациент.

Я останавливаюсь на секунду, закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

Мне нужно вернуться к нему.

К отцу.

К сыну. Которого оставила рядом с дедом.

С дедом...

Так непривычно звучит. Словно вырвано из пустоты.

Я не сразу возвращаюсь в палату.

Несколько секунд стою в коридоре, глядя в одну точку, пытаюсь заставить дыхание стать ровным. Внутри всё ещё гудит. Каждая клетка вспоминала то, что я запрещала себе помнить все эти двенадцать лет.

Мне нужно время.

Но времени нет.

Я заставляю себя двигаться. Каждый шаг отдаётся тяжестью в груди. Как будто я иду не вперёд, а обратно. Туда, где всё когда-то сломалось.

Я делаю медленный вдох, и также медленно выдыхаю. И лишь затем, поворачиваю в сторону палаты и иду по коридору, стараясь держать шаг ровным. Спокойным. Контролируемым.

Как на работе.

Как будто это обычный день.

Как будто двенадцать лет назад моя жизнь не закончилась.

Я останавливаюсь у двери палаты и на секунду замираю.

Смотрю на ручку.

Раньше я открывала двери в кабинет отца без стука. Без разрешения. Без страха.

Теперь стою, как чужая.

Медленно нажимаю. Дверь открывается почти бесшумно.

Лёша сидит на стуле рядом с кроватью. Наклонился чуть вперёд. Его маленькая ладонь лежит поверх руки отца. Осторожно. Будто он боится причинить боль.

Отец не спит.

Он смотрит на их руки.

На свою руку в ладони моего сына и что-то тихо ему говорит. Очень тихо. А Лёша внимательно его слушает. Голос отца слабый, но в нём всё ещё есть та же твёрдость, которую я помню с детства.

Они замолкают, когда я вхожу. А я замираю, останавли-

ваюсь у входа. Это зрелище пронзает меня сильнее любых слов. Что-то внутри сжимается.

Отец никогда не знал о внуке. Что он существует. А сейчас его пальцы едва заметно дрожат под рукой ребёнка.

Лёша оборачивается. В его глазах читается восторг, ведь сегодня он впервые познакомился с дедом, о котором никогда не знал. Столько детской радости я не видела в его глазах никогда, даже рядом с Германом. Лёша всегда держался с отцом чуть отстраненно. Возможно всё это было результатом военной выправки Германа, где не особо позволительно выражать эмоции. Без разницы какие. Любые. Главное контроль и хладнокровие.

— Мам, — колокольчиком звучит его звонкий голосок.

Я вздрагиваю поначалу. Он всегда такой сдержанный. А сейчас даже не обращает внимание, что голос прозвучал на тон выше. Эмоции зашкаливали, судя по его улыбке.

И я улыбаюсь ему в ответ. Мягко.

— Всё хорошо.

Ложь!

Опять ложь.

Потому что теперь не может быть хорошо. В груди у меня бушует ураган невысказанных чувств.

Сын смотрит внимательно. Слишком внимательно для ребёнка. Словно вспоминая о сдержанности и правилах приличия, что постоянно талдычет ему отец.

— Ты долго, — более спокойно уже произнес Лёша.

— Разговаривала с врачом.

Отец не смотрит на меня. Его взгляд остаётся на окне.

Как будто я — часть интерьера.

Я делаю несколько шагов внутрь. Не решаюсь повторно спросить отца о его самочувствии. Это бесполезно. Он лишь отмахнётся язвительной фразой. В которой много смысла.

Смотрю на отца, и не знаю, имею ли право говорить с ним как дочь.

Имею ли право быть здесь вообще.

В палате становится тихо. Лёша переводит взгляд с него на меня. Я понимаю, что он чувствует напряжение. Он всегда чувствует.

Я подхожу ближе и кладу руку ему на плечо. Он обращает свой взор на меня.

— Мам, ты как?

Я киваю ему. Не доверяю голосу. Молчу, чтобы не спугнуть сына ещё больше.

Отец переводит взгляд на меня.

И в этот момент я снова становлюсь ребёнком.

Не врачом.

Не женщиной.

Дочерью.

Я вспоминаю, как он учил меня держать ложку правильно. Теперь я стою и боюсь, что за столько лет он, наверное, и забыл, как держал когда-то мою руку с отцовской заботой и нежностью.

Отец смотрит на меня долго. Без прежней жёсткости. Но и без тепла. Только усталость. И что-то ещё.

Боль, которую он никогда не позволял себе показывать.

Я делаю еще шаг и останавливаюсь рядом с кроватью. Медленно протягиваю руку. На секунду замираю в воздухе. Не уверена, имею ли право. Но всё же кладу ладонь на край одеяла. Рядом с его рукой. Не касаясь. Пока не касаясь.

— Я поговорила с врачом, — говорю тихо.

Он молчит. И лишь смотрит на меня.

— Я посмотрю все назначения, — также тихо продолжаю я, как врач, не как дочь.

Единственное, что я умею делать правильно. Быть врачом. Когда не получается быть дочерью.

Он понимает. Я вижу это в его глазах. Едва заметный кивок.

Разрешение.

Моё сердце болезненно сжимается. Мы оба понимаем, что это — единственный язык, на котором можем говорить сейчас.

Через профессию.

Через контроль.

Через холод.

С трудом держу голос ровно, хотя внутри всё готово взорваться. И так хочется кричать, во всё горло, разрывая ушные клапаны: «Папа! Поговори со мной! Ты умираешь. Хотя бы сейчас, давай попробуем понять и простить...»

Но я сдерживаю свой порыв. Отвожу взгляд в сторону и тяжело вздыхаю. А потом, неуверенно, всё-таки касаюсь его руки. Осторожно. Словно касаюсь фарфоровой вазы.

Кожа тёплая, но слабая. Совсем не такая, какой я помню. Раньше его руки были сильными. Уверенными. Они держали меня, когда я училась ходить. Когда боялась. Когда плакала.

Теперь они лежат неподвижно. И я боюсь сжать их слишком сильно.

Он не отдёргивает руку. И этого достаточно, чтобы внутри меня что-то надломилось.

— Ты приехала быстро, — говорит он наконец, чуть с хрипотцой.

Я сглатываю нервно и лишь произношу одно слово:

— Да.

Это всё, что я могу сказать. Не «потому что люблю». Не «потому что скучала».

Просто — да.

Неосознанно перевожу взгляд на сына, словно ищу опору в нём и опускаю глаза.

Отец откашлялся, отвернулся к окну и вдруг спросил:

— Ты стала врачом?

Я замираю. Медленно поворачиваюсь.

Он всё ещё смотрит на окно.

— Да.

И вновь односложный ответ. Чувствую, как плечи опуска-

ются, будто придавливают бетонной плитой. Стараюсь держать спину прямо, и вижу, как он кивает едва заметно.

— Тогда води себя как врач.

Слова ударили в самую грудь, вырывая слабый выдох.

Не как дочь.

Не как предательница.

Как врач.

Видимо он хотел сказать, как посторонний, не особо проявляя видимость заботы и беспокойства.

Ком застревает где-то у основания шеи. В горле пересыхает. Пытаюсь сделать вдох. Глубокий. Не получается. Выходит рвано. До боли.

Он закрывает глаза на секунду. Как будто устал. Как будто эти слова стоили ему слишком много.

В этот момент в дверь стучат. Тихо. И мы оба оборачиваемся.

В палату входит Васильев.

Он останавливается, оценивает ситуацию одним взглядом. Его взгляд задерживается на наших руках. На Лёше.

Он понимает больше, чем говорит.

— Простите, что прерываю, — произносит он мягко.

Я убираю руку. Слишком быстро. Как будто меня поймали.

— Ада Сергеевна, могу я вас попросить на несколько ми-

нут?

Я киваю.

— Конечно, — слишком быстро соглашаюсь я, будто моё самое заветное желание сейчас сбежать из этой палаты.

Лёша смотрит на меня. Я наклоняюсь к нему и ободряющее глажу по голове:

— Я скоро вернусь.

Он кивает.

Я выпрямляюсь. На секунду смотрю на отца. Он тоже смотрит на меня. И в этом взгляде впервые нет отторжения. Только усталое согласие.

Я выхожу из палаты вместе с Васильевым.

Мы идём молча несколько шагов. Он не торопит.

— Девочка, о которой я говорил, — произносит он наконец, — Она сейчас стабильна. Насколько это возможно. Я хотел бы, чтобы вы посмотрели её до консилиума.

— Конечно, — киваю я слишком быстро, потому что ещё несколько секунд в той палате, и я не выдержу.

Мы подходим к отделению детской реанимации.

Внутри тихо. Свет мягкий. Я сразу вижу её.

Она лежит на кровати, почти утонув в белых простынях. Белокурые волосы рассыпаны по подушке. Слишком светлые. Слишком живые для этого неподвижного тела. Кожа бледная. Губы чуть приоткрыты.

Монитор рядом показывает ритм.

Неровный.

Моё сердце сжимается. Я подхожу ближе. Смотрю на монитор. На дыхание. На руки. Такие маленькие. Беззащитные.

— Как давно ухудшение? — спрашиваю тихо.

— Третий день, — отвечает Васильев.

— МРТ делали?

— Да.

Он протягивает планшет. Я смотрю снимки. И сразу понимаю. Это плохо. Но не безнадежно.

Я делаю вдох.

— У неё есть шанс.

Васильев смотрит на меня. Как будто боится верить.

— Но ей нужна операция. И оборудование.

Он кивает.

— Именно поэтому сегодня консилиум.

Я поднимаю глаза, а он продолжил:

— И там будет инвестор, — Васильев тянет за воротник, будто ему трудно дышать и добавляет, — Он лично хочет услышать прогнозы.

Моё сердце делает лишний удар.

Инвестор.

Почему-то это слово звучит как предупреждение.

Я наклоняюсь ближе к девочке. В этот момент всё остальное исчезает.

Нет прошлого.

Нет боли.

Есть только ребёнок. И жизнь, которая держится на грани.

Я смотрю на неё, и понимаю, что я не могу уйти. Не имею права.

— Позвольте присутствовать на консилиуме? — говорю я тихо. Потому что теперь это важно.

Васильев кивает.

— Тогда идём.

Мы выходим из реанимации и направляемся в конференц-зал.

Я иду рядом с Васильевым. Спокойно. Ровно. Как приглашённый врач. Ни о чём не думаю.

Дверь открывается. И я вхожу.

Сначала вижу стол. Врачей. Главного врача. А потом... его.

Кирилл сидит во главе стола. В тёмном костюме. Спокойный. Чужой. Словно излучает ауру власти.

И моё тело узнаёт его мгновенно.

В комнате становится тихо. В этот момент я понимаю: самое страшное только начинается.

Глава 5. Консилиум

Я останавливаюсь в дверях. Первое, что я чувствую — не страх.

Напряжение.

Как будто воздух в комнате становится плотнее, тяжелее, и чтобы вдохнуть, нужно приложить усилие.

За длинным столом сидят люди.

Врачи. Администрация. Люди в дорогих костюмах.

И он.

Кирилл сидит во главе стола.

Спокойно.

Уверенно.

Как человек, которому не нужно спрашивать разрешения, чтобы находиться здесь.

Он не смотрит на меня сразу.

Продолжает слушать мужчину справа от себя. Главного врача, судя по тому, как тот держится.

Но я знаю.

Он уже знает, что я вошла.

Моё тело чувствует это раньше, чем я успеваю увидеть.

Никто ещё не заметил меня. Кроме него. И всё же он продолжает сидеть уверенно, будто не замечает. Спина прямая. Плечи расслаблены. Перед ним — папка с документами, планшет, ручка. Всё разложено аккуратно. Контроль в

каждой детали.

Он всегда любил порядок и контроль.

Двенадцать лет назад он держал под контролем моё дыхание. Моё сердце. Мою жизнь.

Теперь — чужие судьбы.

И, наконец, я понимаю, о каком инвесторе шла речь.

Его взгляд поднимается. И на секунду, всего на секунду, встречается с моим.

Ничего не происходит.

Никакого узнавания. Никакого шока. Никаких эмоций.

Его лицо остаётся спокойным.

Холодным.

Безупречным.

Как будто он видит меня впервые.

Как будто между нами никогда не было ночей, в которых мы не спали до рассвета.

Как будто он никогда не шептал моё имя... и я не задыхалась в его крепких объятиях, от желания...

Я делаю шаг внутрь.

Потом второй.

Моё тело предаёт меня. Оно помнит, как идти к нему. Оно помнит расстояние, между нами. Оно помнит всё.

Но я больше не та женщина.

— Ада Сергеевна, — слышу голос Васильева рядом, — прошу.

Он показывает на свободное место за столом.

И свободное место, оказывается напротив него.

Конечно!

Кто-то там, на небесах, или в космосе, или где-то в за-предельном мире, явно насмехается надо мной... какая ирония?!

Все взгляды поворачиваются ко мне.

Кроме его.

А я с трудом передвигаюсь, понимая, кто находится рядом. Стараюсь держать спину ровно. Дыхание — спокойным. Лицо — нейтральным. Но чувствую, что иду, как робот. Медленно. Спокойно. Не позволяя рукам дрожать. Чувствую его присутствие физически. Как давление. Как магнитное поле. Как опасность. Не смотрю в его сторону, но ощущаю его присутствие всеми фибрами души.

Я крепко стискиваю зубы и не смотрю на него. Я смотрю на документы перед собой. Это просто работа. Просто пациент. Просто ещё один консилиум.

Как будто я не нахожусь в одной комнате с мужчиной, который когда-то был моей жизнью.

— Коллеги, — продолжает Васильев, — это доктор Савельева. Детский реаниматолог. Национальный центр критической медицины.

Несколько человек кивают. Профессионально. Вежливо. И только тогда Кирилл позволяет себе задержать взгляд на чуть дольше, подняв глаза.

Его взгляд находит меня.

Останавливается.

Всего на секунду. Но этого достаточно, чтобы внутри всё оборвалось.

Он не показывает ничего.

Опять.

Всё также.

Ни удивления. Ни злости. Ни узнавания. Только холодный интерес...

Как будто видит меня впервые.

Взгляд его не меняется.

Абсолютно!

И это больше, чем если бы он смотрел с ненавистью.

Ощущаю болезненный спазм в груди. Но я всё же успеваю уловить этот момент, когда вежливо кивнула в знак приветствия всем присутствующим, осторожно обведя взглядом.

— Проходите, доктор, — говорит Кирилл.

Его голос звучит спокойно. Низко. Ровно. Но моё тело реагирует мгновенно. Сердце сбивается с ритма. Я подхожу к столу и сажусь.

Напротив него.

И это очередная ошибка.

Потому что, слишком близко. Но уже поздно. Позорно сбежать уже не получится. Главврач начинает говорить.

— Итак, — слышу, как в тумане, голос главного врача, — у нас тяжёлый случай. Девочка, девять лет. Резкое ухудшение неврологического статуса. Подозрение на сосудистую

патологию.

Я слушаю с каменным видом.

О состоянии девочки.

О рисках.

О прогнозах.

Слова проходят через меня. Мозг автоматически анализирует. Сопоставляет. Выстраивает варианты.

Это единственное место, где я всё ещё жива.

В работе.

Но часть меня всё равно чувствует его.

Его взгляд.

Его присутствие.

Его молчание.

— Наш приглашённый специалист предлагает рассмотреть возможность оперативного вмешательства, — слышу, как уже продолжает доктор Васильев, — но оборудование...

— Недостаточно, — заканчиваю я спокойно.

В комнате становится тише.

Я поднимаю глаза впервые. И встречаюсь с его взглядом. Он смотрит прямо на меня.

Не как на прошлое.

Как на специалиста.

Как на равного.

Как на чужого.

И это вновь бьёт по самому больному.

Все смотрят на Кирилла.

Теперь я не только понимаю, а убеждаюсь. Он не просто присутствует. Он решает.

Он — тот, кто может дать жизнь. Или забрать шанс.

— Вы предлагаете операцию? — спрашивает Кирилл после длительной паузы.

Его голос в этот момент чуть изменился. Стал глубже. Жёстче. Холоднее. Но моё тело узнаёт его мгновенно.

Каждой клеточкой.

Я заставляю себя отвечать спокойно.

— Я предлагаю дать ребёнку шанс.

Пауза оседает на плечи присутствующих тяжёлым покрывалом. Он слегка наклоняет голову.

Этот жест.

Я помню его.

Он всегда делал так, когда сомневался.

— Шанс, — повторяет он тихо, — На основании чего?

Это вызов.

Профессиональный.

И что-то ещё.

Личное.

Я чувствую это. Но никто больше не ощущает.

— На основании клинической картины, — отвечаю я также спокойно и твёрдо, — И того, что без вмешательства она умрёт.

Прямо.

Без украшений.

Правда всегда звучит жёстко.

Кирилл сцепляет пальцы на столе. Спокойно. Без спешки.

— Каков процент успешного исхода? — спрашивает он, переводя взгляд на главного врача.

Тот заминается и отвечает с легким сомнением в голосе:

— В текущих условиях... менее тридцати процентов.

Тишина становится плотнее. Кирилл кивает едва заметно.

— А при наличии необходимого оборудования?

— Значительно выше. Плюс, если пригласить специалиста данного уровня из столицы, успех повышается в разы.

Он переводит взгляд на меня.

— Ваше мнение, доктор Савельева?

Произносит мою фамилию без эмоций, при этом с особым ударением. Как будто это просто звук.

Но я слышу больше. Я чувствую больше. Выдерживаю его взгляд, и отвечаю:

— Это единственный шанс.

Он не отводит глаз.

— Шанс — это не цифра, доктор.

Подтекст понятен только нам.

Шанс — это не обещание. Не гарантия. Не вера. Но я отвечаю так же спокойно:

— В медицине нет гарантий. Только решения.

Его взгляд становится острее.

— Решения должны быть обоснованы.

Я чувствую, как внутри поднимается что-то горячее, но

продолжаю смотреть ему в глаза.

— Решения должны быть приняты.

И вновь тишина.

Остальные врачи переглядываются. Они слышат разговор, но не слышат подтекста.

Кирилл наклоняется чуть вперёд. Лицо его не меняется, лишь интонация в голосе становится жёстче.

— Вы уверены в своём мнении, доктор?

Слишком много смысла в этом вопросе.

Слишком много прошлого.

Я выдерживаю его прожигающий взгляд.

— Да!

Ни колебаний.

Ни оправданий.

Он смотрит на меня ещё секунду. В глазах загорается необъяснимое. Но я вижу... он помнит.

Он помнит всё!

Но не показывает.

— Вы готовы взять на себя ответственность за это решение?

Ответственность...

Когда-то я уже брала ответственность. И заплатила всем!

— Да, — отвечаю я вновь без колебаний.

Потому что это единственное, что я умею делать. Спасать тяжелобольных пациентов. Даже если не смогла спасти себя.

Он продолжает смотреть только на меня, не прерывая

контакт. Долго. Дольше, чем нужно. Слишком долго для просто инвестора или врача. Но никто этого не замечает.

Только я.

И он.

Затем берёт ручку.

Медленно.

Спокойно.

Выдерживает паузу и подписывает документ. Звук ручки по бумаге звучит громче, чем должен. Как выстрел!

После чего он откидывается назад.

— Тогда действуйте, — говорит он, и впервые за всё это время отводит взгляд.

Как будто только что принял решение, которое изменит не только жизнь ребёнка, но и его собственную.

Все выдыхают. Легкий ропот восторга проносится по залу.

А я не дышу.

Консилиум продолжается. Но для меня всё уже изменилось.

Потому что теперь я знаю: он здесь.

Он рядом.

И это только начало.

Глава 6. Возвращение

Когда дверь конференц-зала закрывается за моей спиной, я впервые позволяю себе остановиться. Просто стою в пустом коридоре. Не двигаюсь. Не дышу.

Мои пальцы всё ещё холодные, хотя в помещении тепло. Сердце бьётся неровно, будто не может решить, в каком времени оно находится. Здесь. Или там. Двенадцать лет назад.

Я видела его.

Снова.

Не во сне.

Не в воспоминании... а наяву, совсем рядом...

Настоящего.

И самое страшное, не то, что он изменился. А то, что моё тело всё ещё помнит его. Каждую интонацию. Каждый взгляд. Каждую паузу.

Я закрываю глаза на секунду, заставляя себя вернуться.

Я здесь не ради него.

Я здесь ради отца.

Ради сына.

Ради себя, если честно.

Делаю вдох и направляюсь обратно к палате. Шаги звучат глухо на мягком ковровом покрытии. Клиника устроена так, чтобы приглушать звук. Чтобы смерть приходила тихо.

Я останавливаюсь у знакомой двери. На этот раз не медлю. Открываю. Тихо вхожу, почти на цыпочках. И замираю. Даже не дышу.

Не потому, что боюсь шумом потревожить палату, а потому что боюсь потревожить то редкое, что вижу.

Лёша стоит у окна, размахивая руками, и что-то с жаром рассказывает. Щёки порозовели, глаза блестят — таким я видела его только однажды... давно. До всего...

Он жестикулирует — широко, по-детски, как будто внутри него включили свет. И этот свет вдруг режет меня до слёз. Потому что рядом с Германом мой сын никогда так не смеялся.

Он всегда был собранным. Вежливым. Правильным. Сдержанным до хруста. Как будто эмоции — это тоже нарушение дисциплины, за которое кто-то обязательно сделает замечание.

А сейчас, он просто ребёнок.

Они увлечённо беседуют и даже не замечают моего присутствия.

— И представляешь, он сам вёл переговоры! — с азартом говорит сын, — Дед, а ты правда не испугался тогда?

И я вижу отца. Он не лежит, как до того, как я их оставила вдвоём.

Кровать приподнята, головная часть подтянута почти до сидячего положения. Под спиной несколько подушек, и из-за этого, кажется, будто он сидит, хотя на самом деле его те-

ло всё ещё тяжело опирается на матрас. На плечах накинут плед. Тот самый больничный, серый. Раньше я не обращала на него внимания, но сейчас он выглядит не как кусок ткани, а как попытка тепла.

Отец опирается локтями о края матраса, пальцы лежат на простыне, не сжаты, но напряжены, словно ему приходится удерживать себя в этом положении.

Я сразу понимаю, что это стоило ему усилий.

Кровать так подняли не просто так. Медсестра, скорее всего, помогла. В палате есть кнопка вызова, и в таких клиниках персонал появляется быстро. Наверняка она подняла спинку кровати, поправила подушки, укрыла его пледом. Но я знаю своего отца. Ему важно самому.

Даже если «самому» — это с чужой поддержкой и после укола. Даже если «самому» — это всего лишь несколько минут, прежде чем силы снова покинут тело.

Он всё равно сделал это.

Я смотрю на его лицо и понимаю: он тратит на эту позу последние силы. Осознанно. Ради того, чтобы не говорить с внуком из положения слабого. Чтобы мальчик видел перед собой не умирающего старика, а мужчину, который ещё держится.

Возможно, не хотел быть при Лёше беспомощным.

Отец слушает сына. Не перебивает. И в уголке его губ держится едва заметная улыбка. Не та, которую он делал «для людей». Не та, которая всегда была похожа на усмешку. А

настоящая — редкая, почти забытая. От неё у меня внутри что-то ломается и тут же собирается обратно, будто организм испугался, что я сейчас заплачу.

— Страх — это нормально, — слышу вдруг, как говорит отец негромко. Голос хриплый, но в нём есть прежняя сталь, — Главное, чтобы он не управлял тобой.

Лёша кивает серьёзно, а в глазах всё равно прыгает вос-торг. Задумался на секунду, и чуть нахмурившись произнёс:

— А если управляет?

Такой серьёзный в этот момент, до смешного, будто решает мировую задачу.

Отец чуть прищуривается. Смотрит на него внимательно, долго. И в этом взгляде я вижу... не просто интерес. Заботу. Ту самую, которой мне всегда хотелось укрыться, и к которой я теперь не имею права.

— Тогда ты ищешь то, ради чего всё равно пойдёшь вперёд, — говорит он, — И делаешь шаг.

Лёша кивает так, будто услышал важнейшее правило на всю жизнь.

— Мам! — он наконец замечает меня и оборачивается резко, сияя белоснежной улыбкой, — Мам, ты знала, что дед...

И тут происходит это.

Отец тоже переводит взгляд на меня.

Я чувствую этот момент кожей, как резкое изменение температуры. Ещё секунду назад в комнате было тепло, и вдруг будто кто-то открыл окно зимой.

Улыбка исчезает.

Не медленно. Не постепенно.

Сразу.

Его лицо снова становится тем, что я помню: закрытым, строгим, каменным. Как будто он поймал себя на слабости и тут же захлопнул дверь.

Лёша осекается на полуслове, будто ударился о невидимую стену.

А я... я делаю вдох и понимаю, что этот воздух больнее, чем тот, которым я задыхаюсь после встречи с Кириллом.

Потому что тут — отец.

Тут — моя кровь.

Тут — то, что должно было быть моим домом... когда-то.
— Тебе лучше прилечь, пап, — говорю я. Голос звучит слишком мягко, слишком осторожно. Я сама слышу, как он дрожит на последней букве.

Отец не отвечает. Молчит, будто бережёт силы.

Он переводит взгляд обратно на окно, словно я — часть мебели, а разговор со мной — лишний расход кислорода.

Лёша смотрит то на него, то на меня. В его глазах мелькает растерянность. Он ещё не знает, как выглядят взрослые стены, построенные из обид. И я вдруг испытываю странное, почти стыдное желание... спрятаться за сына. За его свет. За

его «мам». Потому что мне страшно быть здесь одной.

— Мам, дед сказал... — Лёша снова пытается продолжить, но голос уже тише. Он тоже чувствует, что в комнате стало холодно.

Отец поднимает ладонь. Не резко. Просто жестом останавливает.

— На сегодня достаточно, — произносит он.

Не Лёше.

Мне.

И это самое болезненное. Он не хочет разговаривать со мной, но власть всё равно идёт через меня.

Я подхожу ближе. Медленно, как к дикому зверю, который может уйти, если сделать лишнее движение. Сердце бьётся так, будто я сдаю экзамен на право быть его дочерью. На право вообще стоять у этой кровати. Кладу ладонь на спинку стула, на который сел Лёша, и чувствую, как у меня вспотели пальцы.

Пот. Нервный. Упрямый. Предательский.

Отец открывает глаза. Наши взгляды встречаются. И в этот раз в его взгляде нет прежней стены.

Она всё ещё есть.

Но в ней появилась трещина.

И я выдерживаю его взгляд. Не отвожу его в сторону. Не знаю, что сказать. Как начать разговор после двенадцати лет молчания.

Я неловко разминаю край стула. Нелепый жест. Бесполез-

ный. Но мне нужно что-то делать руками. Иначе я развалюсь.

— Врачи делают всё возможное, — говорю я тихо.

Он смотрит на меня долго. Изучающе. Как будто сравнивает с той девушкой, которую помнит. И женщиной, которой я стала.

— Ты стала похожа на неё, — произносит он совсем тихо, как будто обращался к себе.

Я не сразу понимаю.

— На мать.

И тут, слова бьют неожиданно.

Я опускаю глаза. Я не слышала этого от него никогда.

Ни разу.

— Она тоже всегда держалась прямо, — продолжает он.

А я чувствую, как в груди становится тесно. Он замечает.

Всё ещё замечает. Несмотря ни на что.

Я осторожно кладу ладонь на плечо сына, будто ищу поддержки в нём и делаю шаг ближе к кровати. Сын ободряюще улыбается мне. А отец продолжает внимательно смотреть на нас. И на этот раз он не отводит взгляд, разговаривая со мной.

— Я могу остаться на несколько дней, — говорю я неуверенно, — если ты позволишь.

Он молчит, а я на выдохе произношу:

— Я хочу помочь.

«Не как врач. Как дочь», — не договариваю последние фразы вслух.

Но он понимает. Я вижу это. Его пальцы едва заметно двигаются. И на секунду накрывают мою руку. Слабо. Почти невесомо. Но этого достаточно, чтобы внутри меня что-то оборвалось.

Я не дышу.

Боюсь спугнуть этот момент.

Боюсь, что он исчезнет.

Но через секунду его рука снова замирает. Отец медленно опускает руку на кровать.

Он устал. Слишком устал.

— Мам, — тихо говорит Лёша, — мы останемся здесь?

Я смотрю на сына. Потом на отца.

— Нет, — отвечаю мягко, слегка выдавливая улыбку и чувствую, что на глаза наворачиваются слёзы, которые с трудом сдерживаю и проглатываю, — Но, мы будем рядом.

Отец кивает. Возможно неосознанно. И всё же...

Принимает.

Я стою уже почти вплотную с кроватью, наклоняюсь и целую его в висок.

Он закрывает глаза.

Я не знаю, чувствует ли он это. Но мне нужно было сделать... это... для себя.

Я выпрямляюсь. Чувствую, как сжимается горло. Но сдерживая дрожь в голосе, тихо говорю:

— Я приду завтра, пап.

Он не отвечает.

Но я знаю — он слышал.

Беру Лёшу за руку, и мы выходим.

Дверь закрывается за нами.

А я понимаю: что-то изменилось.

Не снаружи.

Внутри меня.

Глава 7. Отель

Машина останавливается у входа в отель, и я не сразу понимаю, что мы приехали. Я продолжаю смотреть в окно, на отражение собственного лица в затемнённом стекле. Оно спокойное. Слишком спокойное. Как будто не я только что стояла в одном коридоре с человеком, которого похоронила внутри себя двенадцать лет назад.

— Мы приехали, Ада Сергеевна, — мягко напоминает водитель.

Я моргаю. Киваю. Пальцы не сразу слушаются, когда тянусь к ручке двери.

Лёша выходит первым. Оборачивается. Ждёт меня. Он всегда ждёт.

Мы поднимаемся на лифте на верхние этажи. Наши номера на одном уровне. Лифт движется плавно, почти невесомо. Мы молчим, даже сын не нарушает тишины. Не проявляет того неожиданного оживления, которое я видела в палате отца, когда они разговаривали. А я смотрю на цифры этажей и ловлю себя на том, что считаю их, лишь бы не думать.

Вдруг чувствую лёгкое прикосновение.

Лёша тихо берёт меня за руку. Просто берёт. Без слов. Его пальцы тёплые. Маленькие. Но в этом жесте столько уверенности, будто это он сейчас взрослый, а не я.

Я опускаю взгляд. Он смотрит прямо перед собой, как будто ничего особенного не происходит. Но руку не отпускает. И я понимаю — он всё чувствует.

Всегда чувствует.

Я чуть сильнее сжимаю его ладонь. Это всё, что могу себе позволить.

Лифт мягко останавливается. Я даже не замечаю, как мы добрались до этажа.

Двери открываются. И первое, что я вижу — Тамару Ивановну.

Она уже здесь.

Стоит у небольшого стола, раскладывая тетради Лёши, и, услышав нас, сразу оборачивается.

— Вы приехали, — ласково звучит ее голос.

В этом голосе нет лишних вопросов. Никогда нет.

Тамара Ивановна появилась в нашей жизни почти двенадцать лет назад. Герман привёл её сам. Сухо сообщил, что Лёше нужна гувернантка с опытом и рекомендациями. Женщина с педагогическим образованием, строгая, спокойная, умеющая держать дистанцию.

Я тогда не доверяла ей ни секунды. Мне казалось, что в доме и без того достаточно людей, которые наблюдают, оценивают, докладывают.

Но годы расставляют всё по своим местам.

Она никогда не задаёт лишних вопросов. Не вмешивается.

Не предаёт.

И со временем именно её тихое присутствие стало тем редким островком спокойствия, который не принадлежит Герману.

Время делает странные вещи. Что иногда чужие люди становятся ближе родных.

— Как вы доехали? — спрашивает она мягко.

— Нормально, — отвечаю я.

Она смотрит на меня внимательно. Дольше обычного. Её взгляд задерживается на моём лице, как будто она пытается прочесть то, что я не говорю.

Она чувствует перемены раньше, чем я сама их понимаю.

— Я разобрала вещи, — говорит она, — и подготовила комнату для Алексея.

Лёша уже идёт к себе. Он знает порядок. А я остаюсь стоять посреди номера.

Здесь слишком тихо.

Слишком правильно.

Всё уже организовано. Как всегда. Герман не оставляет ничего на случай.

Даже моё возвращение в этот город.

— Герман Павлович звонил, — добавляет Тамара Ивановна, — сказал, что задержится по делам и присоединится к вам позже. На ужин.

Я киваю.

Конечно.

Он никогда не перестаёт контролировать. Даже на расстоянии.

Подхожу к окну. Отдвигаю штору. Внизу город живёт своей жизнью. Машины. Люди. Свет. Обычный вечер. Как будто ничего не произошло. Как будто моё прошлое не стоит теперь в этом же городе.

— Вам нужно отдохнуть, — тихо говорит Тамара Ивановна за моей спиной.

Я не отвечаю сразу. Потому что понимаю — отдых невозможен.

Не здесь.

Не сейчас.

Я поворачиваюсь.

— Спасибо, Тамара Ивановна.

Она мягко улыбается в ответ.

И вдруг делает маленькое движение — берёт со стола чашку, наливает в неё горячий чай и ставит передо мной. Ничего не говоря. Просто ставит. Как будто знает, что слова сейчас только помешают. Иногда мне кажется, что она видит больше, чем говорит.

Она тихо уходит в соседний номер, где расположились вместе с Лёшей, как обычно это происходит в подобных поездках. Оставляет меня одну. А я медленно снимаю пальто. Аккуратно кладу его на спинку кресла. Движения точные. Выверенные.

Так легче.

Когда всё под контролем.

Медленно иду в спальню. Сажусь на край кровати. Матрас мягко прогибается подо мной. И вдруг понимаю, что руки дрожат.

Не сильно.

Но дрожат.

Я кладу ладони на колени, стараясь удержать их.

Бесполезно.

Пальцы всё равно подрагивают, словно тело только сейчас начинает понимать, что произошло.

Я провожу ладонью по покрывалу.

Холодное.

Чужое.

Этот номер роскошный. Безупречный. Здесь всё создано для комфорта.

И всё же мне нечем дышать.

Я закрываю глаза.

И сразу вижу его.

Не образ.

Не воспоминание.

Его присутствие. Как он идёт по коридору. Как пространство вокруг него меняется. Как моё тело узнаёт его даже на расстоянии. Как будто эти двенадцать лет ничего не значат.

Я резко открываю глаза.

Нет!

Этого не должно быть.

Это ничего не значит.

Это просто случайность.

Двенадцать лет — слишком большой срок, чтобы что-то осталось.

Я поднимаюсь слишком резко. Комната на секунду плывёт. И я опираюсь рукой о стол, делаю медленный вдох. Ещё один.

Бесполезно.

Воздуха всё равно не хватает.

Я подхожу к зеркалу. Смотрю на себя.

Та же женщина.

Та же роль.

Тот же выбор.

Я давно научилась быть той, кем должна быть. Но вдруг чувствую, как что-то внутри сдвигается. Едва заметно. Как тонкая трещина в стекле.

Закрываю глаза. Понимаю, что всё это время держалась.

В клинике.

Рядом с отцом.

На консилиуме.

Я держалась. Потому что иначе не смогла бы сделать ни шага. А теперь...

Теперь держаться больше нет сил. И в эту секунду из груди вырывается короткий, глухой звук. Я даже не сразу понимаю, что это.

Смех?

Нет.

Это не смех.

Это что-то между смехом и всхлипом.

Я резко закрываю рот ладонью. Как будто кто-то может услышать.

Глупо.

Здесь никого нет.

Но тело уже не слушается. Я опускаюсь обратно на кровать. И вдруг чувствую, как в глазах щиплет.

Нет.

Только не это.

Закрываю глаза сильнее, словно так можно остановить то, что поднимается изнутри. Но одна тёплая капля всё равно срывается. Катится по щеке. Медленно. Я стираю её сразу. Слишком быстро. Как будто это что-то постыдное. Как будто никто не должен видеть. Даже я сама.

Вынуждаю себя встать. Ноги ватные, с трудом слушаются меня. Я иду в ванную почти на автомате. Включаю воду. Душ шумит громко. Почти оглушающе. Пар быстро наполняет маленькое пространство. Снимаю одежду, не глядя на себя в зеркало. Просто бросаю её на пол. И встаю под струи воды.

Горячие.

Слишком горячие.

Но мне всё равно. Я упираюсь ладонями в холодную плитку стены. Закрываю глаза. Вода бьёт по плечам. По волосам.

Стекает по лицу. Только хаос в голове никуда не исчезает.

И лишь через несколько секунд я понимаю, что среди этих струй есть не только вода.

Слёзы.

Тихие.

Незаметные.

Я не всхлипываю.

Не плачу.

Они просто текут. Смешиваются с водой и исчезают. Как будто их никогда не было.

Я не двигаюсь и стою так еще некоторое время. Пока дыхание не становится ровнее. Пока сердце не перестаёт биться где-то в горле. Пока снова не возвращается контроль.

И я медленно выпрямляюсь. Открываю глаза. Смотрю в запотевшее зеркало.

Лицо размыто. Почти чужое.

В этот момент, одна мысль пробивает меня сильнее, чем всё остальное.

Он здесь.

Кирилл.

В этом городе.

И это значит только одно.

Двенадцать лет, которые я потратила, чтобы забыть его... оказались ничем.

Я выключаю воду. Ванная сразу становится слишком тихой. Я стою посреди этой тишины. И впервые за всё это вре-

мя признаю то, чего боялась больше всего.

Я не забыла его.

Ни на один день.

Выхожу из душа и на секунду замираю посреди комнаты.
Тишина в номере становится почти осязаемой.

Я подхожу к окну и отодвигаю штору.

Внизу город живёт своей жизнью. Свет фар скользит по мокрому асфальту, люди торопятся через перекрёстки, машины медленно тянутся вдоль проспекта.

Обычная жизнь.

Обычный вечер.

Жизнь, в которой ничего не происходит. Кроме того, что моя жизнь, выстроенная по полочкам, трещит по швам.

Я медленно выдыхаю. Закрываю глаза, вновь уговаривая себя успокоиться.

Это просто страх.

Просто память.

Просто усталость после долгого дня.

Стою, опираясь ладонью о холодное стекло, и чувствую, как дыхание постепенно становится ровнее.

Хватит.

Достаточно.

Я уже позволила себе слабость.

Теперь нужно собрать себя обратно.

Провожу ладонями по лицу, будто стирая с него всё лишнее. Волосы ещё влажные после душа, прохладные пряди касаются шеи, и от этого по коже пробегает короткая дрожь.

Сегодня слишком много всего произошло.

Отец.

Клиника.

Консилиум.

И этот странный тяжёлый ком внутри груди, который никак не хочет исчезать.

Слабый стук в дверь заставляет меня обернуться. Она открывается осторожно, будто тот, кто стоит с той стороны, не хочет нарушать тишину.

В номер заглядывает Лёша. Он уже переоделся. Рубашка аккуратно заправлена, волосы приглажены. Он всегда старается выглядеть так, как нравится Герману.

— Мам, — говорит он тихо, — Мы уже спускаемся?

Я смотрю на него и вдруг вспоминаю, как он сидел сегодня у кровати отца. Как слушал. Как говорил. Как будто на несколько минут перестал быть тем мальчиком, которым привык быть рядом с Германом.

— Да, — отвечаю я мягче, чем собиралась, — Спускайтесь. Я подойду через несколько минут.

Он кивает, без лишних вопросов. Он привык. Но перед тем, как уйти, на секунду касается моей руки.

Легко.

Как будто проверяет, всё ли со мной в порядке.

Я сжимаю его пальцы. Всего на мгновение.

— Иди, — ласково шепчу ему, обнимая за плечи на секунду.

Он выходит в коридор, и почти сразу в дверях появляется Тамара Ивановна. Она уже в лёгком тёмном платье. Сдержанном. Практичном. Как всегда аккуратная, спокойная.

— Мы займём столик, — говорит она мягко.

Я киваю в знак согласия. Понимаю, что не готова прямо сейчас спуститься вместе с ними. Мне нужно ещё несколько минут.

Она смотрит на меня чуть дольше обычного. Слишком внимательно, как будто хочет что-то сказать. Но не говорит. Только тихо добавляет:

— Не задерживайтесь слишком долго. Герман Павлович не любит ждать... вы же понимаете...

Она запинаясь на последних словах и чуть смущается. Я понимаю её. В этом доме все давно привыкли жить по правилам Германа. И улыбаюсь ей едва заметно.

— Хорошо.

Они уходят. Дверь закрывается. И тишина снова накрывает номер.

Я опираюсь ладонями о край стола. Пальцы слегка дрожат. Совсем немного. Смотрю на них и понимаю, что всё это время держалась слишком напряжённо. Слишком правильно.

С Германом иначе нельзя. Без контроля всё вокруг начи-

нает рушиться. Я делаю медленный вдох. Потом ещё один. Пока дыхание не становится ровным.

Подхожу к зеркалу. Поправляю волосы. Провожу пальцами по воротнику платья. И вдруг на секунду вспоминаю другое зеркало...

Старую квартиру...

Кирилл стоит за моей спиной, опираясь плечом о косяк двери, и смотрит на меня так, будто я делаю что-то невероятно важное.

— Ты всегда так долго собираешься? — лениво спрашивает он, не отрывая от меня взгляда.

Я тогда смеюсь, не оборачиваясь. Мне кажется, что впереди целая жизнь.

Картинка вспыхивает в голове и так же быстро исчезает. Я моргаю.

Нет.

Хватит.

Это было слишком давно.

А сейчас...

Женщина в отражении выглядит спокойно. Достаточно спокойно. Как будто внутри ничего не происходит.

— Хорошо, — выдыхаю себе одобрительно.

Так и должно быть.

Беру сумку, выключаю свет и выхожу из номера.

Коридор тихий. Ковровое покрытие глушит шаги. Лифт в конце холла. Я иду медленно. Готовлюсь к встрече на ужине с Германом, чтобы не выдавать своего состояния. Не показывать, что я в раздрае. Иначе, себе дороже.

Герман читает между строк. Всё видит. Всё знает. Как ищейка. Поэтому сейчас нельзя позволить себе ни одной ошибки.

Каждый шаг звучит в тишине коридора чуть громче, чем должен. Останавливаюсь у лифта и нажимаю кнопку. Через несколько секунд двери лифта раскрываются мягко, почти бесшумно. Я делаю шаг вперёд, не глядя внутрь. Привычное движение. Автоматическое.

Кабина кажется пустой.

Я вхожу.

Сердце почему-то начинает биться быстрее. Как будто внутри поднимается тревога.

Без причины.

Без объяснения.

Только когда двери начинают закрываться за моей спиной, я поднимаю взгляд.

И вижу его.

Глава 8. Лифт

На секунду мир будто проваливается куда-то вниз, вместе с лифтом. Я вижу, что Кирилл стоит у противоположной стены.

Слишком близко.

Слишком реально.

Он уже был внутри, значит, спускался сверху.

Пентхаус.

Почему-то именно эта мысль вспыхивает в голове, как будто разум пытается схватиться за что-то рациональное, чтобы не сорваться.

Я не вздрагиваю. Не делаю ни шага назад. Только на долю секунды задерживаю дыхание. Потом спокойно киваю. Вежливо. Сдержанно. Так, как кивают знакомому человеку после деловой встречи.

После консилиума, прошло всего-то несколько часов, не более.

Он не отвечает.

Я отворачиваюсь и нажимаю кнопку первого этажа. Лифт начинает движение. И только тогда я чувствую, насколько тесной становится кабина. Воздух будто густеет. Я стою к нему спиной. Прямо. Спокойно. Руки лежат вдоль тела, пальцы слегка касаются ткани платья.

Если не двигаться — можно выдержать эту пытку.

Если не думать — можно пережить эти несколько секунд.

Лифт тихо гудит. Цифры на панели сменяются. Но я почти не вижу их. Только чувствую его.

Не глазами.

Кожей.

Катастрофически близко.

Невыносимо знакомо.

Тепло его тела словно касается моей спины, даже через расстояние. И вдруг за спиной раздаётся его голос.

Низкий.

Тихий.

Хрипловатый.

Родной до боли...

— Не делай вид, что не узнала меня.

Слова падают в тишину лифта, как камни в воду. Я закрываю глаза на секунду. Всего на секунду, чтобы не обернуться. Потому что, если обернусь — всё закончится.

Потом открываю.

— Не понимаю, о чём вы, — отвечаю спокойно, совсем чужим голосом. Так, как будто я действительно говорю с человеком, которого знаю лишь по деловой встрече.

В ответ тишина.

Несколько секунд.

Кирилл молчит, а лифт продолжает движение. Слишком медленно. Такое ощущение, что время замирает и проходит

вечность.

Я слышу его дыхание. Отчётливо и слишком близко. Потом шаг. Почти бесшумный. Но от этого шага у меня внутри всё сжимается.

Он подходит ближе. Ещё ближе. Теперь я чувствую его присутствие почти физически. Как будто, между нами, больше нет воздуха. Только напряжение.

— Даже так, Ада? — тихо произносит он, и от бархатного голоса меня бросает в дрожь.

Моё имя в его губах звучит как приговор. У меня подкашиваются колени. Но я умудряюсь держаться прямо, не смотря на жгучее желание опереться спиной к стенке кабинки лифта, чтобы не упасть.

Держусь на честном слове. И всё ещё не поворачиваюсь к нему лицом.

— Вы ошибаетесь, — выдавливаю слова, молясь всем богам, чтобы голос звучал ровно.

Он тихо усмехается. Этот звук я помню слишком хорошо, отчего по позвоночнику прошелся холодок дрожи.

— Правда?

Ещё один шаг. Теперь его дыхание касается моего виска. И всё моё тело вспоминает.

Запах.

Тепло.

То, как когда-то это дыхание скользило по моей коже.

Я сжимаю пальцы. Сильнее. Чтобы удержать равновесие,

которое предательски начинает укачивать. Сдерживаю дыхание. А безумный стук сердца гулом отдаёт в ушах.

Делаю глубокий вдох, чтобы не разлететься на мелкие куски перед ним.

— Пожалуйста, держите дистанцию, — стараюсь придать голосу строгость.

Он молчит. Но не отходит.

Я словно чувствую, как его взгляд скользит по моей шее. По волосам. По плечам. Как будто он пытается убедиться, что я настоящая.

— Двенадцать лет, — тихо говорит он.

Я закрываю глаза. Эти слова звучат почти шёпотом. Но в них столько сдержанной ярости, что у меня перехватывает дыхание.

— Двенадцать лет, Ада.

Я замираю от этого упоминания. Немею. Тело перестаёт подчиняться мне.

Двенадцать лет я училась жить без него.

Двенадцать лет убеждала себя, что сделала всё правильно...

Мир качнулся.

Я резко оборачиваюсь. И сразу оказываюсь слишком близко к нему. Лифт маленький. Нам некуда отступить. Я смотрю прямо на него. И встречаю взгляд мужчины, которого предала.

Мужчины, которого так и не смогла разлюбить.

И который, судя по его глазам... никогда меня не простит.

Я впервые за всё время вижу, что там происходит.

Ярость.

Боль.

И что-то ещё.

Что-то гораздо опаснее.

— Вы переходите границы, — голос мой оседает, а я всё ещё храбрюсь перед ним.

Он смотрит на меня долго.

Очень долго.

В его глазах что-то вспыхивает — тёмное, почти яростное. И в следующую секунду он резко делает шаг ко мне. Так быстро, что я не успеваю отступить.

— Границы? — повторяет он хрипло.

Его ладонь упирается в стену лифта рядом с моей головой, отрезая путь. Теперь, между нами, почти нет расстояния. Моё сердце начинает биться так громко, что кажется, его слышно в лифте.

Я чувствую его дыхание на своём лице.

— А так? — тихо спрашивает он.

И прежде, чем я успеваю ответить, он наклоняется. Его губы накрывают мои.

Жёстко.

Почти грубо.

Поцелуй не осторожный и совсем не нежный — в нём ярость, обида и что-то ещё, что накапливалось слишком дол-

го.

Я резко упираюсь ладонями ему в грудь. Пытаюсь оттолкнуть.

— Кир...

Но имя срывается с губ вместе с дыханием. И в эту секунду всё рушится. Безумие накрывает с головой. Он целует глубже, сильнее, и моё тело предаёт меня быстрее, чем разум успевает приказать остановиться. Руки, которые должны были оттолкнуть его, вдруг цепляются за лацканы его пиджака. Как будто я падаю. Как будто двенадцать лет исчезают между одним вдохом и другим.

Лифт продолжает движение. Но время останавливается.

Мир будто глохнет.

Есть только его губы. Его тепло. Его запах, который я помнила все эти годы, даже когда убеждала себя, что забыла.

На секунду — всего на секунду — я отвечаю на поцелуй.

Так же отчаянно.

Так же жадно.

Как будто всё это время ждала именно этого.

И именно это мгновение возвращает меня в реальность.

Я резко отталкиваю его. Сильнее, чем ожидала сама.

Отшатываюсь, как в тумане.

Смотрю на него.

И только в следующую секунду моя ладонь сама взлетает вверх. Звук пощёчины разрывает тесное пространство лифта.

Ладонь горит. Я даже не понимаю, как это произошло. Он отступает на полшага. И медленно поднимает голову. Мы смотрим друг на друга. Дыхание сбилось. Сердце колотится где-то в горле.

— Что ты себе позволяешь... — выдыхаю я.

Голос дрожит. Но в нём столько злости, что даже мне самой становится страшно.

Кирилл смотрит на меня. Медленно проводит большим пальцем по губе, будто проверяя вкус поцелуя. В его глазах нет ни капли раскаяния. Только то же самое пламя, которое горит внутри меня.

— Значит, всё-таки, помнишь, — тихо и язвительно усме-
хается он.

Эти слова висят в воздухе, как тяжёлый груз. Я чувствую, как внутри всё переворачивается.

Хочется исчезнуть. Испариться.

Смотрю на него, и понимаю, что не могу ответить. Слова застревают в горле. Нет сил вымолвить хоть словечка.

Он делает полшага ближе. И в этот миг, лифт резко останавливается.

Двери начинают открываться.

Свет холла врывается внутрь кабины. Я не даю себе ни секунды. Просто прохожу мимо него. Почти бегом. И только когда оказываюсь в коридоре, понимаю, что руки всё ещё дрожат.

А губы до сих пор горят.

Как будто этот поцелуй, так и не закончился.

Глава 9. Ужин

Я иду по коридору отеля, но почти не чувствую пола под ногами. В груди всё ещё гремит, как после удара. Как будто сердце кто-то сжал в кулаке и не отпускает. Я даже не помню, как вышла из лифта. Помню только его лицо.

Его глаза.

И то, как его губы коснулись моих.

Коротко. Жёстко. Почти грубо.

Но этого оказалось достаточно, чтобы двенадцать лет, которые я так старательно закапывала внутри себя, поднялись из глубины.

Я останавливаюсь на секунду у поворота коридора и закрываю глаза. Всего на секунду.

Нет.

Нельзя.

Нельзя сейчас думать об этом.

Нельзя вспоминать.

Я выпрямляю спину и иду дальше. Уже почти дохожу до входа в ресторан, когда резко сворачиваю в сторону уборной. Мне нужно хотя бы несколько секунд.

Холодный свет ламп бьёт в глаза. Останавливаюсь у раковины и смотрю на своё отражение. Губы.

Я машинально касаюсь их пальцами. Помада почти стер-

лась. Конечно... быстро достаю из сумки салфетку, провожу по губам, поправляю волосы. Несколько прядей выбились из причёски. Дыхание всё ещё неровное.

Я открываю кран и подставляю запястья под холодную воду.

Только на секунду.

Нужно прийти в себя.

Нельзя выходить к Герману в таком состоянии.

Я делаю медленный вдох. Ещё один. Поднимаю голову и снова смотрю в зеркало.

Лицо спокойное.

Почти.

Этого должно хватить.

Вытираю руки и выхожу обратно в коридор.

Ресторан отеля расположен на первом этаже. Сквозь стеклянные двери видно мягкий свет, столики, людей. Слышно, как звучит тихая музыка.

И вижу свою семью. Они уже сидят за столом.

Герман сидит спиной к залу. Прямая, неподвижная фигура. Как всегда идеально собранный. Рядом Лёша. Он что-то рассказывает Тамаре Ивановне, чуточку активнее жестикулируя руками, чем обычно.

Я замираю на секунду. Это странно. Мой сын редко так оживлён. С Германом он обычно тихий. Сдержанный. Как будто всегда помнит, что за ним наблюдают.

Сейчас же его глаза горят. И от этого внутри у меня что-

то болезненно сжимается.

Я подхожу к столу. Лёша первым замечает меня.

— Мам!

Он почти вскакивает со стула. И в этом одном слове столько радости, что я невольно улыбаюсь.

— Лёша, — спокойно говорит Герман, при этом твёрдо одёргивая сына.

В его голосе появляется та самая металлическая нотка, от которой ребёнок мгновенно замирает.

— Мы на людях.

Лёша сразу садится обратно на стул. Плечи чуть опускаются.

— Извини, пап.

Я делаю вид, что не замечаю этого.

— Простите, что задержалась, — тихо говорю садясь рядом.

— Ничего страшного, — отвечает Тамара Ивановна мягко, — Мы только начали.

Она внимательно смотрит на меня. Слишком внимательно. Как будто пытается понять, что со мной.

Я отвожу взгляд. Потому что боюсь, что она может увидеть слишком много.

Герман поднимает глаза. Его взгляд скользит по моему лицу. Холодно. Оценивающе.

— Ты долго, — говорит он спокойно.

Просто констатация факта.

— Я разговаривала с врачом, — отвечаю я.

Он кивает, как будто этого объяснения достаточно. И дальше, ему просто не интересно.

Официант ставит передо мной тарелку. Смотрю на еду и понимаю, что не чувствую вкуса.

Вообще ничего.

Только тяжёлое биение сердца.

Лёша наклоняется ко мне.

— Мам, дедушка сегодня рассказывал про свою компанию!

Я моргаю.

— Правда?

Он кивает, сияя.

— Он рассказал, как строил завод. И как машины раньше делали. И ещё сказал, что я должен всегда держать слово.

Я смотрю на сына. На его серьёзное лицо. И на секунду представляю отца рядом с ним.

Разговаривающего.

Объясняющего.

Внутри меня что-то тихо трескается.

— Это хороший совет, — тихо говорю я.

Лёша гордо кивает.

— Я тоже так думаю.

Герман делает глоток вина. Затем ставит бокал на стол. И говорит так, будто продолжает уже начатый разговор:

— Завтра у меня деловая встреча.

Я поднимаю глаза. Он смотрит не на меня. В пространство.

— Появились вопросы по одному проекту. Возможно, нам придётся задержаться в городе.

Я замираю. Сердце делает странный толчок.

Задержаться.

В этом городе.

В городе, где...

Я резко обрываю мысль.

— Это надолго? — спокойно спрашивает Тамара Ивановна, — У Лёши учёба...

— Около двух недель, — прерывает её Герман, — Ничего страшного, нагонит. Вы же с ним занимаетесь.

Тамара Ивановна лишь покорно кивает головой. А Герман выдерживает паузу, будто оценивая ситуацию.

— Возможно, меньше. Если всё решится быстрее. Но проект крупный.

Затем переводит взгляд на меня.

— Завтра ты поедешь со мной.

Я не сразу понимаю смысл его слов.

— Куда?

— Бизнес-ланч.

Я чувствую, как пальцы сами собой сжимаются на салфетке.

— Герман... — начинаю осторожно, — Мне нужно быть в клинике.

Он смотрит на меня. Без раздражения. Без эмоций.
Просто холодно.

— Нет.

Одно слово.

Тихое.

Но в нём столько приказа, что у меня внутри всё сжимается.

— Там мой отец, — говорю я совсем тихо.

— Я знаю.

— И девочка. Ей нужна помощь.

— В клинике есть врачи.

Я делаю вдох, пытаюсь удержать голос спокойным.

— Они попросили меня посмотреть её состояние.

Герман слегка наклоняет голову.

— Посмотришь позже.

И снова спокойно, как будто речь идёт о деловой встрече, а не о жизни ребёнка. Я чувствую, как внутри начинает подниматься злость. Но Лёша сидит рядом. И я не имею права. Поэтому я только тихо говорю:

— Я как раз-таки хотела поговорить с тобой об этом.

В этот момент Герман смотрит на меня уже прямо. Пристально.

— Мы обсудим это позже, — говорит он.

Тон становится чуть холоднее. Я понимаю. Не сейчас. И не здесь. Не при ребёнке.

Лёша тем временем рассказывает Тамаре Ивановне про

школу. Она слушает внимательно. Задаёт вопросы. И на секунду я ловлю себя на мысли, что со стороны мы выглядим как обычная семья.

Ужин.

Разговоры.

Ребёнок.

Спокойствие.

И никто не видит, что внутри меня всё рушится.

Когда ужин заканчивается, Лёша уже начинает зевать. Смущенно прячет рукой свой неосознанный жест. Тамара Ивановна мягко кладёт руку ему на плечо.

— Думаю, нам пора отдыхать.

— Я не устал, — упрямо говорит он, но снова зевает.

Я улыбаюсь.

— Идём. Завтра будет длинный день, — Тамара Ивановна ласково берёт его за руку, и они встают из-за стола.

Лёша вдруг оборачивается через пару шагов.

— Мам... а можно завтра снова к бабушке?

Я не успеваю ответить.

— Сначала уроки, — спокойно говорит Тамара Ивановна.

Она поправляет ему ворот рубашки.

— С утра позанимаемся. А после обеда, если доктор разрешит, я тебя сама туда отвезу.

Лёша сразу светлеет.

— Правда?

— Конечно, — кивает, мягко улыбаясь Тамара Ивановна.

Они уходят первыми. И когда двери ресторана закрываются за ними, вокруг становится неожиданно тихо.

Герман медленно встаёт, и говорит безапелляционным тоном:

— Иди в номер. Я чуть позже подойду, тогда и поговорим.

Я молча иду к выходу ресторана. Поднимаюсь в лифте, стараюсь не смотреть на зеркальную стену. Потому что там отражаются мои губы. И я боюсь снова вспомнить.

Когда дверь номера закрывается за мной, я вспоминаю голос Германа, который внезапно стал другим при выходе из ресторана.

Жёстче.

И я понимаю, что настоящий разговор только предстоит.

Глава 10. Тишина, после удара

Я поднимаюсь в номер одна.

Без Германа рядом воздух будто становится чуть свободнее, но легче от этого не делается. Наоборот. Тишина коридора давит сильнее.

Шаги почти беззвучны. Мягкий свет бра ложится на стены ровными пятнами, а у меня внутри всё ещё не стихает тот короткий, жёсткий поцелуй в лифте. Губы вновь начинают гореть, будто поцелуй оставил на коже след. Я прижимаю ладонь к груди, пытаюсь унять бешеное биение сердца. Жмурю глаза и ускоряю шаг. Запрещаю себе даже думать об этом.

Дверь номера открывается с тихим щелчком. Я вхожу, прикрываю её за собой и вынуждаю себя просто остановиться.

Не двигаться.

Не говорить.

Не держать лицо.

Весь день, как белка в колесе...

Только здесь, в полумраке гостиничного номера, я понимаю, насколько устала. Не телом даже — изнутри. Как будто кто-то весь день методично выворачивал нервы и теперь оставил меня стоять на пустом месте, где всё ещё звенит.

За стеклом дрожат огни ночного города, но меня не тро-

гает эта красота.

Несколько минут без движений. Вдох и выдох. Затем снимаю серьги. Кладу их на консоль у входа.

Материя платья холодит кожу. В висках тяжело пульсирует. Я закрываю глаза. Перед ними вновь моментально вспыхивает лифт. Его лицо. Его глаза...

И то, как его губы коснулись моих.

Я резко выдыхаю.

— Господи...

Ладонь сама поднимается к лицу. Провожу пальцами по лбу, по переносице, словно пытаюсь стереть это воспоминание. В этот момент в дверь тихо стучат. Внезапно вздрагиваю, сердце делает неприятный толчок.

— Да? — говорю, чуть выпрямляясь.

Дверь открывается осторожно. На пороге стоит Тамара Ивановна с чашкой в руках. Она останавливается на секунду, будто проверяя, не помешала ли.

— Простите, что беспокою, — говорит очень ласково, — Я хотела узнать, всё ли у вас в порядке.

Я смотрю на неё несколько секунд, и затем лишь медленно выдыхаю.

— Заходите.

Она закрывает за собой дверь и проходит в номер.

— Алексея уложила, — говорит она тихо, почти шепотом, словно может потревожить его сон, — Он уснул почти сразу.

Я согласно киваю. Еще бы! День был слишком насыщен-

ным даже для меня. А для ребёнка — тем более.

Тамара Ивановна ставит чашку на столик рядом со мной.

— Я заказала чай, — заботливо звучит её голос, — Подумала, что вам может понадобится.

Первоначально хочу отказаться. Слова уже почти поднимаются к губам, привычное «не нужно». Но вдруг понимаю, что если сейчас останусь одна, то просто рассыплюсь.

— Спасибо, — благодарно улыбаюсь ей.

Она не делает ни одного лишнего движения. Не садится слишком близко. Не начинает расспрашивать. Просто опускается в кресло напротив.

И ждёт.

Я беру чашку двумя руками. Фарфор тёплый. Почти горячий. И это простое тепло вдруг отзывается внутри неожиданно болезненно, потому что сегодня весь день был холодным.

Отец.

Его лицо.

Его голос.

И Кирилл.

Особенно Кирилл.

Я делаю глоток. Чай обжигает язык, но я даже рада этой боли, она хоть немного возвращает в тело. Опускаюсь в кресло у окна. В висках тяжело пульсирует. Я сижу прямо, слишком прямо, будто до сих пор нахожусь не в номере, а за столом рядом с Германом, где нельзя позволить себе ни одного

лишнего жеста.

Тамара Ивановна смотрит на меня внимательно. Очень внимательно.

— Пейте, — говорит она ласково, — Горячий чай успокаивает.

Я снова делаю маленький глоток, а Тамара Ивановна продолжает молча смотреть. Так, как умеют только женщины, прожившие жизнь и научившиеся распознавать чужую боль по одному наклону головы.

— Сегодня вы встретили кого-то из прошлого, — говорит она вдруг.

Не спрашивает.

Говорит.

Я поднимаю глаза резко. Слишком резко. Сердце в груди делает тяжёлый удар.

— Кого? — вырывается у меня автоматически.

Она слегка качает головой. Без осуждения. Без жалости. Просто спокойно.

— С тем, из-за кого у вас сейчас такие глаза.

У меня перехватывает дыхание. Несколько секунд я просто смотрю на неё. Потом отвожу взгляд к окну.

Внизу, далеко, город живёт своей жизнью. Машины скользят по мокрому асфальту, фонари дрожат в лужах, люди куда-то идут, о чём-то говорят, смеются.

Мир не остановился. Остановилась только я.

— Это видно? — спрашиваю едва слышно.

Тамара Ивановна не отвечает сразу. Потом очень тихо говорит:

— Не всем.

Я закрываю глаза, и почему-то именно эта её честность ломает меня сильнее, чем если бы она начала утешать.

Не всем.

Значит, не сошла с ума.

Не придумала.

Это действительно со мной.

— Я не думала, что когда-нибудь снова его увижу, — говорю я, не открывая глаз.

Голос звучит чужим. Уставшим.

— Знаю, — отвечает она.

— И не была готова.

— К такому невозможно быть готовой.

Я тихо выдыхаю.

Тонкая нитка пара поднимается от чашки и тает в воздухе.

— Я держалась весь день, — произношу я, глядя в чай,
— В палате. В клинике. Потом... на консилиуме. Всё время держалась. А потом...

Я обрываю себя.

Тамара Ивановна не просит продолжить. Просто ждёт. И я всё-таки договариваю:

— А потом оказалось, что этого мало.

Губы дрогнули. Совсем чуть-чуть. Я сразу прикусываю внутреннюю сторону щеки, чтобы не дать себе расползтись

в слабость.

— Ада Сергеевна, — тихо говорит она, — Вы слишком долго держались одна.

В груди что-то болезненно сжимается. Я смотрю на неё.

— Я не одна, — произношу автоматически.

Она выдерживает паузу.

— Вы живёте ради сына, — говорит она мягко, — Это не одно и то же.

И вот тут мне действительно становится больно.

Потому что это правда.

Голая, простая, страшная правда, которую я стараюсь не называть вслух даже себе.

Лёша — мой свет. Моё дыхание. Моя причина вставать утром. Но рядом с ним я всё равно взрослая. Всё равно должна держать спину прямо. Всё равно не имею права развалиться.

А сейчас я сижу перед женщиной, которая за эти годы видела слишком многое и всё же осталась рядом.

Между нами повисает молчание, которое, кажется, многозначительнее слов. Тамара Ивановна медленно опускает взгляд на мои руки, сжатые вокруг чашки. И я резко поднимаю чашку, делаю глоток, будто чай способен остановить подступающую слабость.

Она молчит будто видит меня насквозь. Будто видит тот поцелуй в лифте. И щёки обжигает стыдом сильнее, чем горячий чай.

В комнате становится совсем тихо.

Где-то далеко шумит кондиционер. За окном воет редкая машина. В соседнем номере, за стеной, спит мой сын. А здесь я сижу и разрываюсь от желания просто поделиться с кем-то наболевшим. Признаться в том, что даже самой себе боялась назвать.

Тамара Ивановна не ахает, не читает морали. Она лишь чуть наклоняется вперёд и тихо спрашивает:

— Вам сейчас страшно?

Я думаю. Долго. Не могу решиться.

— Да, — с трудом выдыхаю, и чуть помедлив тихо говорю,

— И больно.

Она медленно кивает, будто именно этого и ждала.

— Тогда не торопитесь принимать решения сегодня.

Я горько усмехаюсь.

— С моими решениями и так всегда было плохо.

— Нет, — возражает она неожиданно твёрдо, — С решениями у вас как раз всегда было слишком хорошо. Вы просто слишком часто выбирали не себя.

У меня перехватывает дыхание. Я смотрю на неё и не нахожу слов. Потому что в этой комнате вдруг стало слишком много правды.

Тамара Ивановна поднимается, и подходит ко мне. Впервые за весь наш разговор осторожно, очень осторожно кладёт ладонь мне на плечо. Не утешая. Не прижимая к себе. Просто касаясь. Этого оказывается достаточно.

Я резко отворачиваюсь к окну, потому что чувствую: ещё чуть-чуть, и голос меня выдаст.

— Идите умываться, — говорит она мягко, — Я скажу, что вам нездоровится, если Герман Павлович спросит.

Я качаю головой.

— Нет. Он и так что-то почувствовал.

— Тогда тем более приведите себя в порядок.

Я киваю. Долго сижу, не в силах пошевелиться. Потом всё же ставлю чашку на стол и медленно встаю. Ноги чуть ватные. Усталые.

— Спасибо, — говорю я, не глядя на неё.

Тамара Ивановна слегка сжимает моё плечо.

— Вы не обязаны быть железной всё время, Ада Сергеевна.

Я ничего не отвечаю. Потому что, если сейчас отвечу, голос сорвётся. Просто иду в ванную, закрываю за собой дверь и, опираясь ладонями о раковину, смотрю на себя в зеркало.

На женщину с ровной причёской.

Сдержанным лицом.

И глазами, в которых уже невозможно ничего спрятать.

Я всё ещё стою у раковины, когда слышу, как в номере открывается входная дверь. Щелчок замка. Тихие шаги.

Герман.

Я закрываю глаза на секунду. Этого достаточно, чтобы ли-

цо снова стало спокойным.

Когда я выхожу из ванной, он уже в гостиной. Пиджак снят. Галстук ослаблен. В руке бокал с виски. Герман стоит у окна и смотрит вниз, на ночной город.

Спина прямая. Неподвижная. Как будто он не отдыхает, а продолжает какой-то внутренний расчёт.

Тамара Ивановна уже навела порядок и убрала чашки с чаем.

— Алексей уснул, — говорит она спокойно.

Герман одобрительно кивает.

— Хорошо.

Она переводит взгляд на меня. Совсем на секунду. Но я понимаю: она проверяет, держусь ли я.

И я в ответ едва заметно киваю. Всё нормально. Она понимает.

— Тогда я тоже пойду отдыхать, — говорит она.

— Спокойной ночи, — отвечает Герман.

Через несколько секунд дверь тихо закрывается. И в номере остаёмся только мы.

Тишина становится плотнее. Герман делает медленный глоток виски и ставит бокал на стол. Затем поворачивается ко мне. Его взгляд скользит по моему лицу.

Останавливается.

Слишком долго.

— Ты устала, — говорит он.

И снова, не вопрос.

Это звучит как утверждение. В его манере.

— День был тяжёлый, — отвечаю я спокойно.

Он делает шаг ближе. Его глаза внимательные. Слишком внимательные.

— В клинике что-то произошло?

Я чувствую, как внутри всё напрягается, но лицо остаётся спокойным.

— Отец сегодня немного лучше, — говорю я, — Он разговаривал с Лёшей.

На секунду в глазах Германа мелькает что-то вроде раздражения.

— Я не об этом.

Минутная пауза, и он смотрит на меня так, будто пытается разобрать механизм.

— Ты была рассеяна за ужином.

Я чуть пожимаю плечами.

— Усталость.

— Возможно.

Он не спорит. Но и не соглашается. Просто наблюдает. Я слишком хорошо знаю этот взгляд. Так он смотрит на людей, когда пытается понять, где в их словах слабое место.

— Завтра в полдень встреча, — повторно напоминает он мне.

— Я помню.

— Это важный проект.

Герман берёт папку со стола и открывает её.

— Строительство медицинского центра. Финансирование серьёзное. Земельный вопрос затянулся. В город прислали представителей инвесторов.

Он листает бумаги.

— Придётся разбираться лично.

Я молчу.

Он закрывает папку и снова смотрит на меня.

— Ты будешь сопровождать меня.

Это не просьба. Не предложение.

Факт!

— Герман, — начинаю осторожно, — В клинике сегодня попросили меня...

Он поднимает руку. И я замолкаю. Жест короткий. Почти ленивый. Но в нём столько власти, что слова просто исчезают.

— Я знаю, — говорит он.

Я моргаю.

— Главный врач уже звонил.

Это неожиданно.

— И что ты ему сказал?

— Что мы здесь временно.

Он делает паузу.

— Но, если твоё присутствие действительно необходимо, ты можешь помогать.

Сердце в груди делает тихий толчок.

— Правда?

— В разумных пределах.

Его взгляд становится холоднее.

— Твоя первая обязанность — семья.

Он подходит ближе.

Слишком близко.

— И я не хочу, чтобы ты снова растворилась в чужих проблемах.

Я понимаю, что он имеет в виду. Он всегда говорил это.

Всегда.

Герман пристально смотрит на меня и холодно добавляет:

— В следующий раз я хочу знать об этом раньше, чем главврач.

— Это ребёнок, — тихо говорю я.

— Я знаю.

Герман молчит и пристально смотрит, затем с пренебрежением подчёркивает:

— Но ты не обязана спасать весь мир.

Я смотрю на него. И думаю о том, как странно звучат эти слова из его уст. Потому что именно он двенадцать лет назад заставил меня отказаться от всего, что было моим миром.

— Завтра будь готова к ланчу, — говорит он снова.

— Хорошо.

Ответ выходит быстрее, чем я успеваю подумать. Герман внимательно смотрит на меня. Как будто ожидал сопротивления. Но я не спору.

Сейчас — не время.

Он делает ещё один глоток виски.

— Ложись спать, — говорит он великодушно, — День завтра будет длинный.

Я киваю. Поворачиваюсь к спальне. Но у самой двери он вдруг говорит:

— Ада.

Я останавливаюсь.

— Да?

Он вновь выдерживает паузу. Длинную.

Слишком длинную.

— Я не люблю неожиданностей.

Я медленно поворачиваюсь. Он смотрит прямо на меня.

Спокойно.

Но в его глазах появляется та самая жёсткость, которую я знаю слишком хорошо.

— Постарайся, чтобы их не было.

Я ничего не отвечаю. Просто киваю, и ухожу в спальню. Закрываю за собой дверь. И только тогда понимаю, что всё это время стояла так напряжённо, что мышцы спины ноют. Опускаюсь на край кровати. Смотрю на свои руки. Они снова слегка дрожат. Но теперь не от страха.

От ожидания.

Потому что завтра... я окажусь снова там, где возможно вновь будет он...

Глава 11. Утро. Клиника

Ночь прошла беспокойно, рваными отрезками. Я почти не спала. Короткие провалы в сон и резкие пробуждения, как будто организм сам отказывался отпускать меня в покой. Стоило закрыть глаза, и перед ними сразу вспыхивал весь пройденный день... и лифт. Его лицо. Его взгляд. Его губы.

Я переворачивалась, сжимала подушку, пыталась заставить себя не думать.

Бесполезно.

Под утро стало легче. Не потому, что отпустило, просто усталость оказалась сильнее. Мысли притупились, чувства будто накрылись тонким стеклом.

И осталось только одно.

Ожидание.

А утром, я поднимаюсь в клинику уже с этим ощущением внутри. С ним же открываю двери отделения. С ним же иду по коридору. Несколько раз ловлю себя на том, что ищу его в коридорах, ещё до того, как успеваю это осознать.

У двери палаты меня встречает Васильев.

— Доброе утро, Ада Сергеевна.

— Доброе утро.

Он смотрит на меня внимательно, как врач на врача.

— Ночь прошла спокойно. Давление держится стабильнее. Мы немного скорректировали терапию.

Я сразу беру его планшет с результатами анализов.

Привычка.

Глаза быстро скользят по цифрам, по динамике показателей. От этого становится чуть легче.

— Хорошо, — довольна я результатами, — Реакция есть.

— Есть, — кивает он, — Вы вчера очень вовремя настояли на корректировке.

Молча возвращаю планшет. Мы оба понимаем, что речь сейчас не только о пациенте. Он чуть смягчает голос.

— Хотите зайти к отцу?

Я смотрю на дверь палаты. Всего несколько шагов, и почему-то именно сейчас сделать их оказывается сложнее всего.

— Через пару минут, — даю себе передышку.

Васильев не задаёт лишних вопросов. Он слишком опытный, чтобы не понимать, поэтому лишь кивает. Потом, будто вспомнив что-то, говорит:

— Кстати... насчёт вчерашнего случая.

Я сразу понимаю, о ком он.

— Девочка?

— Да. Я передал ваше мнение детской реанимации. Они очень заинтересовались.

Он слегка разводит руками.

— Но вы понимаете, это уже не моя территория.

— Конечно.

— Заведующий детским отделением как раз хотел поговорить с вами. Если у вас будет время.

Я быстро соглашаюсь и киваю:

— Будет.

— Тогда идёмте, я вас провожу.

Мы выходим из взрослого блока и идём по коридору в сторону детского крыла. Здесь уже слышны другие звуки: тихие голоса родителей, скрип каталок, приглушённый плач. Детская больница всегда звучит иначе. У двери ординаторской нас встречает невысокий мужчина лет пятидесяти.

— Ада Сергеевна? — сразу спрашивает он.

— Да.

— Виктор Михайлович, заведующий детской реанимацией.

Он пожимает мне руку.

— Спасибо, что согласились ещё раз посмотреть ребёнка.

— Я уже видела её и присутствовала на консилиуме.

— Именно поэтому мы и хотели поговорить с вами.

Он приглашает меня внутрь.

— Случай очень тяжёлый.

Он открывает карту на столе.

— Операция действительно может дать шанс... но у нас нет нужного оборудования.

Я смотрю на снимки. Те самые. Те, на которых вчера всё стало понятно.

— Я помню, — тихо говорю я.

Виктор Михайлович кивает.

— Девочка проходит лечение по квоте. Родителей у неё нет, документы оформлены через опеку, — делает короткую паузу, и будто оправдывается, — Поэтому все решения по привлечению внешних специалистов мы обязаны согласовывать.

Я понимаю, к чему он ведёт.

— Главный врач уже сообщил о вашем участии, — продолжает он, — Мы посмотрели документы консилиума... и, честно говоря, быстро поняли, что вы та самая доктор Савельева.

Он чуть улыбается.

— А фамилия у вас в городе известная.

Я не сразу понимаю, и он поясняет спокойно:

— Герман Павлович уже подключён к обсуждению проекта клиники от министерства. Поэтому главный врач уведомил его, что вы участвуете в лечении.

Я слегка напрягаюсь. Герман вчера вечером был недоволен, мягко говоря, хоть и не показывал этого откровенно.

— И?

— Он не возражает.

Врач делает короткую паузу.

— Более того, сказал, что, если вы считаете операцию возможной, клиника должна рассмотреть все варианты.

Я тихо выдыхаю.

Виктор Михайлович закрывает карту.

— Поэтому официально спрашиваю: вы готовы курировать ребёнка как внешний специалист?

Я открываю рот, чтобы ответить, и в этот момент за спиной раздаётся мужской голос. Спокойный. Низкий. И такой родной... до мурашек.

— Я бы тоже хотел услышать ответ на этот вопрос.

Я замираю. На секунду или две. Теряю счет времени. Знала, что это неизбежно, и всё же не готова к повторной встрече с ним. У меня холодеют пальцы. Сердце делает один тяжёлый, неровный удар, и сбивается с ритма.

Только не сейчас и не здесь... пожалуйста...

Уговариваю себя взять в руки, и медленно, очень медленно оборачиваюсь. Как будто если сделать это резко, то однозначно, что-то внутри окончательно сорвётся.

Кирилл стоит у окна, как будто был здесь всё это время.

Тёмный костюм, расстёгнутый пиджак, руки в карманах. Его взгляд скользит по моему лицу медленно, слишком внимательно. Это длится меньше минуты, но кажется целую вечность.

Он молчит и просто смотрит. Не двигается, ждёт ответа и продолжает смотреть прямо на меня. В этом взгляде нет ни удивления, ни сомнения. Только тёмная, сдержанная напряжённость. Как будто он уже всё решил. И теперь просто ждёт.

У меня перехватывает дыхание. На долю секунды мир снова сужается до одной точки.

До него.

До этого расстояния, между нами.

До этих двенадцати лет, которые вдруг перестают иметь значение.

Я слишком отчётливо чувствую своё тело. Пальцы, дыхание, губы.

Господи...

И первая отвожу взгляд, потому что понимаю, ещё немного, и это будет видно всем. Комната вдруг кажется тесной. Виктор Михайлович сразу оживляется.

— А, вы уже познакомились?

Кирилл даже не смотрит на него.

— Да, — он чуть наклоняет голову, — Вчера.

Его глаза снова на моих губах. И я слишком хорошо понимаю, о каком «вчера» он говорит. А заведующий отделением, будто только вспомнил, касается своего лба и вздыхает с улыбкой:

— Ах, да. Запомятовал.

Я сжимаю папку с анализами сильнее.

— Кирилл Андреевич представляет инвесторов проекта, — продолжает врач, — Они как раз обсуждают вопрос обслуживания.

Кирилл наконец переводит взгляд на него и подчёркивает:

— Мы обсуждаем возможность его доставки. В ближайшие сроки.

Потом снова смотрит на меня.

— Но всё зависит от того, есть ли смысл, — выдерживает

паузу и продолжает, не скрывая иронии, — Доктор Савельева считает, что есть.

Это не вопрос.

Это вызов.

Я медленно кладу карту на стол. Сердце бьётся слишком быстро, но голос звучит спокойно.

— Я считаю, что у ребёнка есть шанс.

Кирилл делает шаг ближе.

— Тогда, думаю, вам придётся доказать это.

Его голос тихий.

Слишком тихий.

Я в очередной раз улавливаю по его тону, что в этой комнате сейчас происходит не только разговор о медицине.

— Хорошо, — говорю я, и смотрю прямо ему в глаза, — Давайте начнём.

В этот момент приходит осознание, как озарение. Отчего дрожь накрывает с головой. Эта операция может спасти ребёнка. Но она же может разрушить всё, что я так долго пыталась удержать. Потому что теперь Кирилл стоит рядом, с самодовольной ухмылкой. И, по его виду становится ясно, что он больше не собирается делать вид, что, между нами, ничего не было.

Глава 12. Не туда

Я понимаю, что моё вмешательство, дорого мне обходится. Оно привязывает меня к этому месту.

К этой клинике.

К этим коридорам.

К нему...

И ничего не могу поделать, потому что прежде всего я — врач. А всё остальное... второстепенное.

Я чувствую, как по коже проходит холодок.

Я вынуждена контактировать с Кириллом, если хочу помочь девочке. Мне просто нужно абстрагироваться. Понимаю это, но почему-то не могу в данную секунду.

Кирилл стоит рядом. Слишком близко. Слишком уверенно. Слишком...

Для меня всё это... слишком!

Я отворачиваюсь первой, потому что иначе не выдержу. Смотрю в карту. В цифры. В показатели. Всё, за что можно зацепиться, чтобы не сорваться.

— Виктор Михайлович, — произношу уже деловым тоном, — давайте уточним параметры. Мне нужно видеть динамику за последние сутки.

Он сразу собирается. Голос становится увереннее. Начинает объяснять, перечисляет дозировки, аппараты. Я только

киваю и слушаю. Включаюсь в работу, даже задаю вопросы. Почти автоматически. Как будто возвращаюсь туда, где всё понятно. Где есть логика. Где нет прошлого.

Но это иллюзия.

Потому что я всё равно чувствую его. За спиной, его взгляд, само присутствие. Мнимое ожидание.

Перед глазами начинает мутнеть, становится дурно. Я резко закрываю карту. Перевожу дыхание, чтобы собраться с мыслями.

— Я вернусь к пациентке позже, — говорю уже ровнее, — Нужно пересмотреть терапию и подготовить расчёты под операцию.

— Конечно, — кивает Виктор Михайлович, — Мы всё организуем.

Я разворачиваюсь раньше, чем кто-то успевает что-то сказать, и выхожу из реанимационного блока почти автоматически. Двери за спиной мягко закрываются, отсекая тихий писк мониторов и стерильный холод отделения. Коридор клиники кажется слишком просторным. Слишком светлым. А мне так тесно в груди, что выть охота. Я делаю несколько шагов и только тогда понимаю, что сжимаю папку так сильно, что пальцы побелели. Разжимаю руку. Ладонь слегка дрожит.

Чёрт!

Я медленно выдыхаю, пытаюсь себя уговорить:

«Спокойно. Ты врач. Ты только что согласилась куриро-

вать тяжёлого ребёнка. Вот о чём нужно думать. Не о мужчине, который стоит в конце коридора».

Потому что он всё ещё там. Я чувствую это даже не глядя. Как ощущают грозу ещё до того, как начинается дождь.

Я всё-таки поворачиваю голову. Кирилл действительно стоит там.

Не двигается.

Не ушёл.

Просто наблюдает.

Его руки в карманах брюк, плечи расслаблены, но взгляд тяжёлый. Сосредоточенный. Слишком внимательный.

Ловлю его взгляд и быстро отворачиваюсь. Иду к выходу из отделения, но на секунду замираю. Палата отца — в конце коридора. Всего несколько шагов. Я знаю это. Хорошо знаю. Только в груди неприятно тянет.

Надо зайти.

Надо!

Я ведь пришла именно к отцу. Но вместо этого я разворачиваюсь в другую сторону. Каждый шаг отдаётся напряжением в груди.

Вижу, как приближается ко мне его лечащий врач. Сейчас мои чувства расшатаны, я в раздрае. Мне не чем дышать. Еще чуть-чуть и паническая атака накроет меня с головой.

— Передайте, пожалуйста, что я позже подойду, — говорю я Васильеву, не глядя на него.

Он смотрит на меня чуть внимательнее обычного, и будто

проявляет понимание.

— Конечно, — отвечает спокойно.

Я киваю, и уже на автомате иду к выходу. Слишком быстро. Как будто если остановлюсь, уже не смогу уйти.

Выхожу на свежий воздух, и наконец позволяю себе закрыть глаза на секунду. Всего на секунду. Но перед глазами снова вспыхивает его лицо. То, как он стоял слишком близко. Как смотрел. Как говорил. Как подтекстом звучали невысказанные фразы: «Я хочу посмотреть, осталась ли в тебе та женщина, которую я знал...»

Я резко открываю глаза.

Хватит!

Довольно.

Нельзя сейчас расклеиваться и давать слабинку.

Через несколько минут машина уже везёт меня обратно в отель. Я так и не смогла войти в палату отца. Просто сбежала... сижу и смотрю в окно. Город движется. Люди. Машины. Светофоры. А внутри меня будто образовалась дыра, которая тянет все мои силы.

Я подавлена. Опустошена в данную секунду. Но вдруг ловлю себя на странной мысли.

Я ничего не чувствую.

Не к этой дороге.

Не к этому городу.

Не к этому дню.

И только одно выбивается из этого ровного, выстроенного спокойствия.

Он.

Как будто кто-то резко включил звук в комнате, где я привыкла жить в тишине.

Я двенадцать лет жила правильно. Спокойной, равномерной жизнью. Без срывов. Без него. И только сейчас понимаю...

Это было не спокойствие.

Это было отсутствие.

Город днём становится громче. Плотнее. Машины медленно тянутся по проспекту, люди спешат через перекрёстки. А я почти не вижу дороги, глядя в окно. Только отражение своего лица, слишком спокойного, не смотря на ураган внутри.

Когда машина останавливается у входа в отель, я замечаю, что часы показывают одиннадцать двадцать. У меня в запасе осталось меньше часу, чтобы привести себя и свои чувства в порядок.

Поднявшись в номер, первым делом иду в ванную. Свет здесь холодный, безжалостный. Смотрю на себя в зеркало. Причёска всё ещё аккуратная. Помада почти не стерлась.

Но глаза...

Глаза выдают слишком многое.

Я открываю холодную воду и несколько секунд держу ла-

дони под струёй. Потом прижимаю их к лицу.

Дыши.

Просто дыши.

И через пару минут я выхожу обратно в гостиную.

Тамара Ивановна сидит у окна с книгой. Она поднимает взгляд, и сразу всё понимает.

— Как девочка? — спрашивает она спокойно.

Я снимаю пиджак и кладу его на спинку кресла.

— Тяжёлая.

— Вас оставили курировать?

Я удивлённо смотрю на неё, а она мягко улыбается.

— Я слишком долго с вами живу, чтобы не догадаться.

— Да, — медленно опускаюсь в кресло.

Она закрывает книгу.

— Это хорошо.

В её глазах столько заботы, что на душе становится тепло.

— Это сложно, — тихо отвечаю ей.

Она смотрит внимательно. И больше ничего не спрашивает.

Я очень благодарна ей за это. В этот момент дверь спальни открывается. Герман выходит уже полностью готовый. Тёмный костюм, идеально завязанный галстук, часы на запястье. Он всегда выглядит так, будто мир подчиняется его расписанию.

Его взгляд сразу останавливается на мне. Не скользит, не оценивает.

Фиксируется.

Как будто он ставит метку.

Мне хватает нескольких секунд, чтобы понять — он уже всё заметил.

Всегда замечает!

Я машинально сжимаю пальцы на ремешке сумки, чуть сильнее, чем нужно. Потом ослабляю хватку. Дышу ровно, спокойно, ничего лишнего.

— Ты задержалась, — в его голосе нет раздражения, и именно это настораживает сильнее всего.

— В отделении было много работы, — отвечаю я.

Герман смотрит ещё мгновение, как будто слушает не слова, а паузы между ними. И потом отворачивается, очень медленно. Подходит к столу, берёт папку с документами. Внимательно листает. Без единого лишнего движения.

Я знаю этот ритм. Так он ведёт себя, когда уже сделал выводы... но ещё не решил, что с ними делать.

— Машина будет через пять минут.

Я встаю и поправляю пиджак. Пальцы чуть цепляются за ткань, едва заметно. Я сразу одёргиваю рукав, разглаживаю складку, как будто это единственное, что сейчас важно.

Не выдавать себя.

Герман смотрит на меня ещё раз.

В упор.

Я чувствую этот взгляд кожей — по шее, по плечам, как холодное прикосновение. В этом взгляде столько проница-

тельности, что хочется отвернуться, но я не имею права.

— Что-то случилось? — бесстрастно спрашивает он.

Вопрос звучит почти нейтрально, даже мягко. Только я знаю его слишком хорошо. Я знаю эту интонацию.

Это не забота.

Это проверка.

Поднимаю подбородок чуть выше, выдерживаю его взгляд, и смотрю прямо на него. Заставляю дыхание стать ровным.

— Нет.

Слово выходит чище, чем я чувствую себя внутри. Он молчит несколько секунд, будто взвешивает ответ. Его взгляд не уходит, он будто давит, не словами... присутствием.

И я чувствую, как начинает пульсировать в висках. Как хочется отвести глаза. Как хочется хоть на секунду перестать держать спину.

Но я стою.

Ровно.

Он делает едва заметный выдох.

— Хорошо, — милостиво прозвучал его голос.

Мнимое спокойствие. И от этого «хорошо» внутри становится холоднее, чем от крика.

Он закрывает папку, берёт ключи, и мы выходим из номера. Лифт спускается медленно. В зеркальной стене отражаются наши фигуры.

Он — прямой, уверенный.

Я — спокойная.

По крайней мере, так выглядит со стороны. Только вот пальцы всё ещё слегка подрагивают. Я незаметно провожу ими по шву юбки. Медленно считаю про себя. Раз, ещё раз. Собираю себя. Но внутри всё ещё звучит голос Кирилла. Навязчиво, как эхо.

И это раздражает.

Сильно!

У входа в отель уже ждёт машина. Также, беспечно, мы садимся, и держим путь на его бизнес-встречу.

Герман просматривает документы на планшете. А я смотрю в окно.

— Это важный партнёр, — говорит он вдруг, — Человек, который финансирует несколько проектов по всей стране.

Я слегка поворачиваю голову.

— Поэтому ты берёшь меня?

Он поднимает взгляд, как будто оценивает, стоит ли объяснять.

— Такие встречи... лучше проходят в более спокойной обстановке, — сухо звучит его голос, — Когда есть баланс.

Я смотрю на него, но он уже снова в планшете, и делает вид, что сказал всё, что нужно. Отворачиваюсь к окну и молча соглашаюсь.

Конечно.

Баланс.

Красивое слово.

Через пятнадцать минут машина останавливается у ресторана. Высокие стеклянные двери. Мягкий свет. Дорогая публика. Мы поднимаемся по ступеням. Хостес открывает двери.

И в этот момент, я вижу его.

Кирилл сидит за столом у окна. Он разговаривает с женщиной, которая сидит рядом с ним как его продолжение. Будто создана для него. Высокая, красивая, безупречно одетая. Слишком уверенная для случайной спутницы.

Просто идеальная.

Она что-то говорит, смеётся. Кирилл поднимает глаза, и замечает нас. На секунду всё внутри у меня обрывается, потому что его взгляд сразу останавливается на мне.

Не на Германе.

Именно, на мне.

Я замедляюсь. Лишь на долю секунды, но этого достаточно, чтобы сбилось дыхание.

Нет.

Нет, этого не может быть...

Это просто совпадение.

Он просто здесь... просто обедает с этой... женщиной.

Он не может...

Не сегодня.

Только не сейчас.

Не здесь.

Не с нами.

Я почти цепляюсь за эту мысль, как за единственное спасение. Но в следующую секунду он медленно поднимает руку и смотрит на часы. И внутри у меня всё замирает, потому что подсознательно чувствую...

Это не просто совпадение.

Это его встреча.

Глава 13. Точка столкновения

Ресторан выбран без лишней роскоши. Не показной, но дорогой. И именно поэтому опасный.

Такие места выбирают не для того, чтобы произвести впечатление. А для того, чтобы решать вопросы, от которых зависит слишком многое.

Я иду рядом с Германом. Стараюсь идти, потому что ноги на секунду становятся чужими, тяжёлыми. Его шаги задают ритм — чёткий, выверенный. Как будто он заранее просчитал не только маршрут, но и весь разговор. И я подстраиваюсь, как всегда.

Он не касается меня, но я всё равно ощущаю его рядом слишком остро. Как границу, которую нельзя пересечь.

Я собираю себя по кускам. Выравниваю дыхание. Натягиваю на лицо спокойствие. Потому что внутри уже нет равновесия. И потому что я всё ещё надеюсь. Глупо, отчаянно, но всё же надеюсь, что мы сейчас свернём. Что хостес ошибётся. Что нас проведут мимо. Что это окажется не он, не его стол, не его встреча...

«Господи! Это какая-то злая шутка...» — готова я взвыть и надеюсь, что вот-вот произойдёт чудо.

Любая причина.

Любая случайность.

Любая спасительная ошибка...

Но мы идём прямо, и с каждым шагом это становится очевиднее.

Хостес вежливо указывает рукой:

— Сюда, пожалуйста.

И я понимаю:

Мы идём к нему!

Сердце уже не в груди... оно поднимается выше, сбивается. Бьётся где-то в горле, так громко, что кажется, сейчас услышат все. Я почти чувствую, как Герман это улавливает. Как его внимание на секунду цепляется за меня, но не поворачиваю голову.

Не сейчас.

Иначе сорвусь.

Истеричный смех так и желает вырваться наружу, в ответ на это дьявольское недоразумение.

И чем ближе мы подходим, тем сильнее сжимается пространство, как будто воздуха становится меньше. Как будто меня ведут туда, откуда нельзя выйти прежней.

Кирилл больше не разговаривает. Не смотрит на женщину рядом. Он смотрит на меня. Только на меня. И в этом взгляде нет ни удивления, ни растерянности, лишь... что-то гораздо опаснее.

Еще несколько секунд, и только потом он переводит взгляд на Германа.

И вот теперь...

Внутри что-то окончательно обрывается, потому что надежды больше нет.

Они встречаются глазами. Происходит то, чего я боялась все эти годы. Становится жутко страшно. Просто невыносимо. Стоять вот так между двух огней. Ощущать кожей момент, не просто узнавания, а оглушительного шока. Будто удар, короткий, без звука, но с бешеной отдачей.

Я не просто это чувствую.

Я вижу.

Едва заметное напряжение в челюсти Кирилла.

Как на долю секунды замирают пальцы Германа.

Они явно не ожидали такой встречи. Ни один из них.

Но уже через мгновение всё исчезает. Лица возвращаются. Контроль встаёт на место. Как будто ничего не произошло.

Кирилл вновь переводит взгляд на меня, и наши взгляды встречаются. В этот миг, чувствую, как всё останавливается.

Я не дышу.

Вообще.

Он тоже.

Это видно.

Слишком короткая пауза, но её достаточно, чтобы понять, мы все заложники этой несуразной случайности.

Напротив Кирилла, сидит мужчина лет пятидесяти — плотный, с усталым лицом чиновника, который слишком долго решает чужие проблемы. При виде нас, тот быстро

поднимается.

— Герман Павлович! — оживляется мужчина за столом,
— Рад, что вы смогли подключиться.

Герман делает шаг вперёд, и я физически чувствую, как он
«включается». Мгновенно собирается, становится другим.

— Взаимно, — ровно отвечает он.

Истинный дипломат. Никаких эмоций.

Мужчина поворачивается к столу, делая приглашающий жест.

— Позвольте представить. Это Кирилл Андреевич Воронов, — он смотрит с явным уважением, — представляет «GLOBAL INVEST HOLDING». Компания заходит с серьёзным финансированием, проект для города ключевой, как я вам и говорил ранее.

Пауза. Всего на долю секунд, в которой никто не двигается.

Я чувствую, как внутри всё холодеет, потому что сейчас... сейчас всё станет окончательно реальным.

Кирилл медленно поднимается. Спокойно, даже чуточку самоуверенно.

— Думаю, мы уже знакомы, — говорит он, без лишних эмоций, но в нём есть то, что невозможно не услышать.

Герман смотрит на него. Без улыбки. Без удивления. Только взгляд становится чуть тяжелее.

— Да, — отвечает он, — Думаю, знакомы.

И никто из них двоих не желает протягивать руку первым

для рукопожатия. Лишь перестрелка взглядов. Холодное и жёсткое. Короткое, но не формальное, а как проверка.

Кто сильнее.

Я стою рядом, и чувствую, как воздух между ними становится плотнее. Тот самый момент, когда вежливость, это уже не про правила, а про контроль.

— А это моя супруга, — спокойно добавляет Герман, слегка поворачиваясь ко мне.

Его ладонь на секунду касается моей спины. Лёгкое касание, почти невесомое. Со стороны выглядит, почти нежность. Но я слишком хорошо знаю этот жест. Это не поддержка. Это обозначение.

Я делаю шаг вперёд к чиновнику. С трудом выдавливаю улыбку.

— Ада Сергеевна Савельева.

Кирилл смотрит на меня. И даже не скрывает своего безразличия. Ни секунды. Или мне так кажется. Потому что никто не подаёт и виду. Ни взглядом, ни жестом.

— Ну, разумеется, — тихо произносит он.

Так тихо, будто только для меня. И в этих двух словах больше, чем должно быть.

Гораздо больше.

Мужчина из департамента ничего не замечает.

— Прошу, присаживайтесь, — говорит он, явно довольный тем, что все на месте.

Мы садимся, а я чувствую, что это уже не просто встреча.

Это ловушка.

Каждый из нас отчётливо понимает всё, но никто не собирается из неё выходить.

Глава 14. Переговоры

Мы садимся. Стол между нами кажется узким, ненадёжным. Как будто расстояние, всего лишь условность.

Я оказываюсь напротив Кирилла. Рядом с ним, его спутница. Теперь я вижу её лучше.

Не просто идеальная.

Не просто красивая — выверенная до мелочей.

Плавные движения. Спокойный взгляд. Лёгкая, уверенная улыбка.

Та, которой не учат — с ней рождаются.

Она сидит чуть ближе к Кириллу, чем позволяет деловой этикет. Не касаясь. Но достаточно, чтобы это считывалось.

И почему-то именно это задевает.

Достаточно сильно, что я неосознанно отвожу взгляд первой. Почти незаметно, и всё же резко, я сама это чувствую.

Герман чуть сдвигает стул. Лёгкое движение, контролируемое. Но его колено касается моего. Случайно — возможно. Только не для меня.

Намеренный жест, как напоминание.

Я замираю на долю секунды. Он рядом. Он держит.

Всегда.

— Итак, — начинает мужчина из департамента, с явным облегчением беря слово, — давайте перейдём к сути. Вопрос

по земле требует согласования на федеральном уровне, поэтому нам важно ваше участие, Герман Павлович.

Он переводит взгляд на представителя власти с осторожной услужливостью. И Герман слегка кивает. Сдержанно, но всё же с толикой надменности.

— Проект непростой, — продолжает он, разводя руками, — Речь идёт не просто о реконструкции. Это новый корпус. Детская хирургия, реанимация, оборудование, — на этих словах, чиновник кивает в сторону Кирилла, — Со стороны инвестора, подразумевается полное финансирование и оснащение. Включая импортные системы.

В этот момент Герман раздраженно сдвигается корпусом вперёд.

— Я ознакомился с материалами, — при этом, говорит он ровно, — Есть ряд несоответствий по документации. Их нужно устранить.

Кирилл слушает, не перебивая. Его пальцы лежат на столе. Расслабленно. Но я вижу, как едва заметно напрягаются сухожилия. Как он сжимает руку... и тут же отпускает.

Контроль.

За столько лет, я научилась распознавать подобные движения.

— Мы готовы закрыть все вопросы в кратчайшие сроки, — отвечает он спокойно, — При условии, что проект не будет искусственно затягиваться.

Тишина оседает неожиданно. Очень короткая, но в ней

уже есть столкновение.

Герман чуть наклоняет голову, как будто оценивает.

— Никто не заинтересован в затягивании, — произносит он, — Но есть регламент.

— Регламент, — повторяет Кирилл тихо, покачивая головой.

И в этом слове слишком много подтекста. Я чувствую, как по коже проходит холод. Женщина рядом с ним делает глоток воды.

— Проект действительно значимый, — мягко вмешивается она, — И для города, и для региона. Мы уже начали подготовительные этапы.

Её голос ровный, поставленный.

Я автоматически отмечаю:

Она не просто спутница.

Она — часть этого мира.

Часть его.

И от этого внутри что-то неприятно сжимается. Глупо, неуместно, но остановить это я не могу. Вынуждаю замолкнуть внутри себя: «Ты не имеешь права!» — и осторожно перевожу взгляд на мужа.

Герман даже не сразу отвечает. Смотрит на неё, чуть дольше, чем требует вежливость. И только потом говорит:

— Вы?

— Елена Станиславовна. Вершинина, — спокойно отвечает она, — Руководитель проекта.

Я чувствую, как Кирилл на секунду переводит взгляд на меня, как будто проверяет, вижу ли я это. Понимаю ли...

Я не поднимаю глаз. Потому что, если подниму — выдам слишком многое.

— Тогда вы должны понимать, — продолжает Герман, — что без согласования на федеральном уровне этот проект не сдвинется.

— Мы это понимаем, — отвечает Кирилл.

И впервые за всё время его голос становится жёстче. Чуть-чуть, почти незаметно, но этого достаточно.

— Именно поэтому мы здесь.

Тишина снова окружает присутствующих за столом. Она давит, почти физически, как воздух перед грозой. И вдруг, как озарение, приходит понимание:

Это не переговоры.

Это расстановка сил.

И никто из них не собирается уступать.

Чувствуя, как внутри всё сжимается ещё сильнее. Невольно тянусь к стакану с водой и делаю глоток. Слишком большой. Вода холодная, но не помогает.

Герман открывает папку.

— Перейдём к делу, — говорит он жёстко, будто читает подтекст в предыдущих словах.

Как всегда, без прелюдий, без лишних вступлений.

— Проект расширения медицинского центра, — продолжает он, — требует согласования по земле и лицензированию. Документы мы изучили.

Кирилл слегка кивает и перебивает:

— Мы тоже.

Голос уже спокойный, даже чуть ленивый, но за этим спокойствием чувствуется сила.

И вес.

Такой, который не обсуждают вслух.

— Задержка со стороны региона, — говорит Герман, — связана с несоответствием некоторых параметров.

— Каких именно? — спокойно спрашивает Кирилл.

И это уже не вопрос.

Это вызов.

Герман поднимает взгляд.

— В первую очередь — по инфраструктуре.

Короткая пауза начинает искрить меж двух мужчин. Они смотрят друг на друга, не мигая.

— Инфраструктура будет обеспечена, — уверенно произносит Кирилл.

— Будет — не аргумент, — сухо отрезает Герман.

Женщина рядом с Кириллом вновь мягко вмешивается, ощутив накал в переговорах:

— Мы готовы предоставить дополнительные гарантии.

Герман даже не смотрит на неё.

— В письменном виде.

Кирилл усмехается едва заметно.

— Разумеется.

И в этот момент, за всё то время, что шла перепалка двух миров силы и власти, он впервые переводит взгляд на меня. Так медленно, и слишком внимательно, словно проверяет.

Я чувствую это физически, как касание.

— Кстати, — говорит он, будто, между прочим, — насколько я понимаю, доктор Савельева уже участвует в медицинской части проекта.

Заявление Кирилла звучит так внезапно, что я не сразу осознаю.

Вот он!

Первый удар.

Я не двигаюсь. Не реагирую. Только чувствую, как пальцы сжимаются под столом.

Герман медленно поворачивает голову ко мне, едва заметно, но я это чувствую. Он знал, лично беседовал с главврачом, лишь не вникал в подробности. И я понимаю — он не ожидал такого совпадения.

— Временная консультация, — спокойно отвечаю я раньше, чем он успевает что-то сказать.

Голос ровный, отстраненный, почти чужой.

Кирилл смотрит на меня, и в его глазах вспыхивает что-то тёмное.

— Даже так? — тихо.

Я выдерживаю его взгляд.

— Именно так.

И снова, пауза. Молчание длится дольше, чем положено.

Герман закрывает папку.

— Вернёмся к проекту.

Тон становится жёстче. Он берёт контроль обратно.

— Нас интересуют реальные сроки.

— Нас тоже, — отвечает Кирилл.

И снова этот взгляд, не на документы.

На Германа.

— Потому что задержки стоят слишком дорого.

— В том числе и нам, — холодно отвечает Герман.

— Тогда, думаю, мы найдём решение.

— Возможно.

Ни один из них не уступает.

Ни на шаг.

Чиновник рядом сидит молча, понимая, что в данную минуту, молчание — золото.

Разговор продолжается.

Цифры.

Сроки.

Условия.

Слова звучат правильно, профессионально. Но за ними ничего не стоит, потому что это не переговоры.

Это проверка, кто первый дрогнет. И никто не собирается сдаваться. Через сорок минут становится понятно: решения

не будет.

Сегодня — точно.

— Мы продолжим обсуждение после получения дополнительных документов, — подводит итог Герман.

— Разумеется, — кивает Кирилл.

Они встают. И снова, те же движения, те же лица. Только напряжение стало гуще, намного тяжелее.

В этот раз, они пожимают руки. И в этом рукопожатии уже нет ни грамма нейтральности. Только давление, сила и предупреждение.

Я поднимаюсь следом. В этот момент Кирилл снова смотрит на меня. Не скрываясь, не прячась. Слишком открыто. Слишком... лично. И тихо говорит:

— До встречи, доктор Савельева.

У меня перехватывает дыхание. Я не отвечаю, просто киваю, и отвожу взгляд. Потому что, если задержусь хоть на секунду — он увидит.

Всё.

Мы выходим из ресторана. И только когда двери закрываются за нашей спиной, я понимаю, что дышала всё это время слишком поверхностно.

Герман молчит. Слишком долго. И от этого тишина становится опасной. Я чувствую, как он уже начал складывать картину. И она ему не нравится.

— В машину, — говорит он наконец.

Голос его, на удивление, спокойный. Но в нём уже нет

прежней нейтральности, только холод.

Мы садимся. Дверь закрывается. И внутри становится слишком тихо.

Герман открывает планшет, листает, затем останавливается. Закрывает, и снова открывает. Он не читает, я это вижу боковым зрением, но не решаюсь обернуться к нему. Сажу молча, сцепив пальцы на коленях. Слишком аккуратно. Слишком правильно.

— Ты знала, — говорит он вдруг.

Голос звучит спокойно, как удав. У меня внутри что-то обрывается.

— О чём?

Он поворачивает голову и смотрит прямо на меня.

— Что он здесь.

Я выдерживаю короткую паузу, с трудом.

— Нет.

Он смотрит ещё секунду. Взгляд проникает так глубоко, будто вскрывает внутренности.

— Интересно, — произносит он тихо, и отворачивается.

И это хуже, чем если бы он начал кричать. От этого напряжение только растёт.

Машина останавливается внезапно. Я не сразу понимаю, что мы приехали.

— Выходи, — говорит он.

Я открываю дверь, и молча выхожу, направляясь к входной двери отеля. Иду и чувствую, как под ногами начинает

рушиться всё, что я так долго держала.

И это только начало.

Глава 15. Без свидетелей

Дверь в номер закрывается за нами с тихим щелчком. Но в этой тишине он звучит слишком отчётливо, как будто не просто дверь, а что-то окончательно захлопнулось.

Я прохожу вглубь номера, не оборачиваясь сразу. Снимаю сумку, кладу её на стол. Делаю это медленно, аккуратно, почти педантично, как будто от точности движений зависит, удержусь ли я сама. Спиной чувствую его присутствие. Герман ещё у двери. Я не вижу его, но знаю, что он не спешит, просто стоит и наблюдает. И именно это настораживает сильнее всего.

Я всё-таки оборачиваюсь и вижу, как он медленно снимает часы, кладёт их на консоль. Расстёгивает запонки — по одной, без спешки. Пиджак аккуратно ложится рядом, как всегда идеально ровно. Ни одного лишнего жеста. Ни одного резкого движения. Как будто он не вернулся с напряжённой встречи, где воздух искрил. Будто сейчас ничего не происходит. При этом не отводит взгляда от меня ни на секунду. И в этом движении вдруг вспыхивает, что-то болезненно знакомое...

Мерзкие клещи памяти начинают распускать корни по всему телу рождая ответную дрожь. У меня пересыхает во рту. Я невольно провожу языком по губам, пытаюсь сглот-

нуть, но горло будто сжато.

Так уже было.

Давно.

Тогда я тоже стояла и ждала, когда он подойдёт. И от этого воспоминания под рёбрами будто проваливается пустота.

Он проводит взглядом с ног до головы, будто сканирует. И вновь смотрит прямо в глаза, только после этого говорит:
— Не лги, что ты не знала.

Голос тихий, но под кожей от него сразу проскальзывает мороз вызывая поток мурашек. Пальцы его на столешнице едва заметно сжимаются. Почти незаметное движение, если не знать его. Только не я.

Я не упускаю такие мелочи.

Неосознанно прерывисто вздыхаю. В груди начинает что-то давить, предвещая неладное. И всё же с усилием говорю:
— Я не лгу. Я не знала.

Каждая пауза становится невыносимой. Он чуть наклоняет голову, как будто прислушивается не к словам, а к тому, что за ними. Этот жест всегда означает одно. Он уже не слушает. Он проверяет, где я сломаюсь.

— Не надо, — произносит он мягко, и идёт ко мне.

Очень медленно, но почему-то расстояние между нами сокращается слишком быстро. И с каждым шагом внутри поднимается то самое чувство, которое давно не проявлялось. Когда не знаешь, что будет дальше. Только знаешь, что будет больно.

Я не двигаюсь. Лишь пальцы сжимаются в складках ткани, словно ищут опору.

— Ты поехала сюда не просто так, — говорит он, — Отец! Очень удобное объяснение.

Слова звучат спокойно, но за ними сталь так и трещит. Вот-вот и я услышу скрежет зубов, или мне так кажется. Сознание возможно играет со мной в злую шутку.

— Это неправда, — нервно сглатываю скопившуюся вязкую слюну.

С трудом сдерживаю дрожь в голосе. Почти удаётся, как мне кажется, только бешеный стук сердца выдаёт моё волнение.

Он останавливается в шаге от меня, и снова смотрит. Так внимательно, что я перестаю дышать.

— Я давно не видел у тебя таких глаз, — говорит он совсем тихо, отчего вдруг внутри что-то болезненно сжимается.

— Каких? — еле произношу на выдохе, а сама удерживаю его взгляд, хотя так и хочется отвести в сторону.

Слышу свой голос и понимаю, что он держится на усилиях. Глубоко внутри, чувствую желание спрятаться, забиться в уголок и сжаться, скомпоноваться, чтобы быть готовой к любому удару.

Он делает ещё полшага. Теперь я чувствую его присутствие почти физически. Ярость в теле переходящий в жар во взгляде. Это давит, становится жутко.

— Живых.

Одно слово. Всего одно, но оно бьёт точнее любых обвинений. Я сглатываю, но это не помогает.

— Я была в реанимации, — говорю будто оправдываюсь, — Там ребёнок.

— Нет, — резко прерывает, — Не из-за ребёнка.

И снова пауза. Такая тяжёлая, будто грузом оседает на плечи.

— Ты встречалась с ним.

Воздуха становится меньше. Я молчу и не отвожу взгляда, хоть и понимаю, что молчание сейчас — хуже любого ответа.

Он резко выдыхает, отворачивается на секунду, проводит рукой по лицу. Пальцы задерживаются на переносице дольше, чем нужно. Как будто он пытается удержать себя, или остановиться.

Но уже поздно.

В этом коротком, почти нервном движении впервые появляется трещина. Настоящая.

— Значит, это правда, — говорит он уже иначе.

Я пытаюсь отрицать, качаю головой.

— Я не знала. Клянусь, я не знала, что он там, — повторяю я, и на этот раз голос дрожит сильнее, чем я хотела бы.

Только всё напрасно.

Он поворачивается обратно. И по его взгляду, я вижу, заранее... как он делает шаг, как в глазах что-то гаснет. Всего лишь мгновение, чтобы понять... он уже сорвался, и вряд ли

остановится...

Герман резко подходит, что я не успеваю отступить. Его пальцы смыкаются на моём запястье. Внезапно и жёстко, что кожа вспыхивает под его рукой, будто он оставляет ожог. Я дёргаюсь от неожиданности, дыхание сбивается. Безумно больно, но в эту секунду тело реагирует быстрее, чем разум.

Слишком знакомое чувство. И именно поэтому сейчас не кричу. Потому что уже знаю, чем это заканчивается.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю.

Гнев окрашивает его голос. От напряжения челюсть сжимается, и я даже слышу скрежет зубов. Боль в руке выводит из равновесия, мешает здраво мыслить, но я поднимаю глаза. Сталкиваюсь с его яростным взглядом, готовым испепелить меня, и понимаю...

Он сейчас не контролирует себя.

— Не ври мне, — шипит он сквозь зубы, и в этом голосе уже нет ничего спокойного.

Я рефлекторно пытаюсь вырваться. Смотрю на руку, что жутко ноет от боли и вновь перевожу на него взгляд. Сердце колотится где-то в горле, будто птица в клетке, что бесполезно машет крыльями и никак не может выйти наружу.

— Я не вру, — мой голос предательски дрожит.

И я знаю. Нет, я уверена, что в глазах моих застыл ужас. Я его не вижу, но чувствую всеми фибрами души. Это знакомое мне чувство, которое я почти забыла за столько лет. Давно не наблюдала за ним этой агрессии, и почти всё под

забылось. Как-то устаканилось за столько лет. Но видимо не исчезло из памяти. Не испарилось. Такое не вытравить даже с годами спокойной, размеренной жизни.

Он не отпускает. Держит дольше, чем нужно, будто ждёт, когда я сдамся. А я смотрю на него в упор, хотя внутри уже начинает дрожать всё, не только голос. Еще чуть-чуть и я забьюсь в истерику.

В этот момент, он отпускает резко. Рука остаётся пустой. Пульс бьётся прямо в коже, там, где только что были его пальцы. И я невольно отступаю на шаг.

— Ты рвалась в клинику, — цедит он каждое слово, — Спорила. Давила.

— Потому что там мой отец.

— Или потому, что там он, — рычит он глухо, как раненый зверь.

Эти слова режут без ножа. Так больно, что я чувствую, как внутри поднимается злость. Такая яркая, горячая, что сама не понимаю, когда начинаю говорить жёстче:

— Ты сам вынудил меня поехать на эту встречу, — слова вылетают быстрее, чем я успеваю их остановить, — Я не знала, кто там будет.

Он смотрит так пристально, что я всё-таки отвожу взгляд, лишь на секунду.

— Ты слишком быстро начала оправдываться, — раздражённо проговаривает он.

— Потому что ты обвиняешь меня, — мгновенно выпал-

ливаю ему в ответ.

— Потому что ты даёшь повод.

Меня накрывает. Я замолкаю на секунду, и тишина давит сильнее крика.

— Ты не имеешь права, — от отчаяния и потрясения голос звучит совсем тихо, — Я никогда...

Он делает шаг. И снова оказывается слишком близко. А я отступаю и чувствую, как спина упирается в край стола. Дальше некуда.

— Имею! — холодно цедит он.

Тон голоса спокойный, без крика, и в этом спокойствии — всё.

— Ты моя жена.

Это, отнюдь, не напоминание. Это граница, которую он сейчас очерчивает, как приговор! Отчего резко ощущаю спазм боли в животе, будто приняла удар. И обреченно закусываю нижнюю губу.

— Я не позволю, — голос уже стальной от напряжения, — чтобы ты делала из меня дурака.

От шока и несправедливости в его словах, начинаю задыхаться.

— Я никогда не давала повода...

Он резко перебивает.

— Двенадцать лет назад... — снова цедит, и замолкает не договаривая.

Слова, как удар.

Хоть и не договорил.

Что он хотел этим сказать?! Мне невдомёк. Я перестаю дышать, сдерживаю себя с трудом, чтобы не завывать от боли, в руке или в душе, уже и сама не понимаю. Потому что он попал, туда, куда нельзя.

— Это совсем другое, — выдыхаю я, почти шёпотом.

Он усмехается. Так ехидно и коротко, что земля дрожит под ногами. Или мне так кажется...

Выдержав паузу, он вдруг спрашивает:

— У вас уже что-то было?

Я замираю. Не от слов. От того, как он это говорит. Спокойно, почти буднично, как будто спрашивает о делах.

— Что? — растерянно лепечу, а он делает шаг ближе.

— Мне просто интересно, — продолжает он язвить, — Это случилось вчера? Или раньше?

Я перестаю соображать, не верю своим ушам.

— Ты сейчас серьёзно?

Он не повышает голос.

— На встрече, ты не выглядела что случайно встретила прошлое, — с расстановкой проговаривает Герман, — Ты выглядела... иначе.

Замолкает на секунду и затем жёстко произносит:

— У тебя рыльце в пушку, так, дорогая?

Эти слова бьют сильнее пощёчины.

— Я никогда тебе не изменяла.

У меня перехватывает дыхание, слова даются с трудом,

почти шёпотом. Он подозрительно вглядывается в мои глаза, будто в них всё уже написано. И не верит.

Я делаю шаг вперёд, впервые сама сокращаю расстояние.

— Никогда! Слышишь, — повторяю тише, — Ни с ним. Ни с кем-либо еще.

Голос срывается, но я продолжаю:

— Я даже не пыталась его найти. Ни разу.

Он молчит. И я понимаю, что говорю больше, чем хотела, но остановиться уже не могу.

— Ты думаешь, я жила все эти годы ради этого?

Он чуть прищуривается. И вот теперь в его взгляде появляется что-то другое. Это не сравнимо ни с яростью, ни с ревностью. Что-то намного тяжелее. А я смотрю прямо ему в глаза, и слышу своё дыхание. Слишком громкое, рваное и неровное.

— Тогда объясни, — говорит он тихо, — почему ты сейчас выглядела так, будто у тебя снова есть что терять?

Я закрываю глаза на секунду, потому что ответ есть.

И он страшный.

Открываю их снова, а перед ними тьма, мутный образ Германа. Мне так дурно, что готова рухнуть перед ним от бессилия. И всё же выдавливая из себя:

— Ты ошибаешься.

Слова звучат слабее, чем хотелось бы.

Он смотрит ещё несколько секунд. Потом выпрямляется и отходит, будто этого достаточно. Как будто он уже всё понял

и сделал выводы. И в этом движении он снова становится тем, кого я знаю: собранным и холодным. Как будто всё, что было секунду назад — просто ошибка.

— Завтра же прекращаешь весь этот балаган, — говорит он уже ровно, — Без обсуждений.

Я делаю вдох. Сердце бьётся слишком быстро. Понимаю, что уже боюсь. По-настоящему. Так, как боялась раньше.

До того, как всё стало тихо, спокойно, удобно. И всё равно говорю:

— Нет.

Слово вырывается само.

Он неожиданно замирает, и медленно поворачивается.

— Что?

Я сжимаю пальцы, так сильно, что чувствую, как ногти впились в мягкую ткань ладоней. Чтобы удержаться, потому что впервые перечу ему.

— Я буду в клинике столько, сколько нужно ребёнку.

Тишина вдруг становится ощутимой. Короткая, но такая напряженная, что чувствую каждой клеткой, как в ней что-то ломается окончательно.

Он смотрит на меня иначе.

Совсем иначе.

Как будто видит впервые.

И я понимаю: я только что перестала быть для него удобной.

Он ничего не говорит, только чуть покачивает головой.

Едва заметно, что кровь стынет в жилах. Потому что это не согласие. Он просто принял это к сведению.

Он запомнил.

Я стою, не двигаясь. Слышу своё дыхание, которое шумит слишком громко. Знаю, что страшно не то, что он злится.

Страшно то, насколько близко он подошёл к правде.

Только, пока еще не осознаю, что ждёт меня дальше.

Глава 16. Следы

Дверь захлопывается за ним так, что звук глухо отдаётся где-то внутри, под рёбрами. Я не сразу понимаю, что он ушёл. Стою посреди комнаты, не двигаясь, как будто если сделаю хоть шаг, то всё вернётся. И то, что только что произошло, возымеет продолжение.

Тишина медленно заполняет пространство. Уже другая. Не та натянутая, в которой каждое слово, как по лезвию. А пустая и тяжёлая. В ней больше нет его шагов, его дыхания, его взгляда. Только от этого не легче. Тело будто не моё. Плечи ноют. Запястье пульсирует тупой болью. Я опускаю взгляд и вижу, как кожа начала темнеть. Следы проступают быстро, грубо, будто тело не успело забыть, как это бывает.

«Завтра придётся надеть что-то с длинным рукавом», — автоматическая мысль проскальзывает невзначай. Правильная, удобная, но это лишь чтобы отвлечь себя от болезненного воспоминания. Которое преследует меня без устали.

Провожу пальцами по запястью, совсем осторожно, почти не касаясь. И от этого лёгкого движения по коже пробегает знакомая дрожь. Внутри что-то сжимается, не то, чтобы от боли. Просто тело реагирует, потому что помнит, узнаёт.

Я уже так же стояла.

Так же не дышала.

Так же ждала, что сейчас всё закончится.

И тогда тоже было страшно... а потом, со временем, стало тише. Год за годом. Он перестал срываться. Почти.

Стал аккуратнее. Холоднее. Предсказуемее.

И я привыкла.

К этому «почти спокойно».

К жизни, где можно не ждать удара каждую секунду.

Я резко убираю руку. Пытаюсь отогнать дурные воспоминания. Всё в прошлом. Но внутренний голос со мной не согласен. Он напоминает, что это всегда было здесь, между нами. Просто я научилась не смотреть.

Делаю вдох, он выходит коротким, обрывается на середине. Приходится заставить себя вдохнуть ещё раз — глубже, медленнее. Воздух идёт тяжело, как будто грудную клетку стянули изнутри. Закрываю глаза и на секунду теряюсь.

Где я?

Сколько времени прошло?

Как будто меня резко выбросило из одной реальности в другую, и я ещё не успела вернуться.

Открываю глаза.

Номер. Свет. Тишина.

Всё на месте.

Только внутри — нет.

Я медленно опускаюсь на край кровати. Пальцы всё ещё подрагивают, когда тянусь к застёжке пиджака. Снимаю его,

брошаю рядом, потом блузку. Ткань цепляется за кожу, за запястье, и я едва слышно выдыхаю сквозь зубы. Пытаюсь усидеть на месте, не получается. Внутри всё дрожит, и тело не находит себе места. Я встаю, делаю пару шагов, затем останавливаюсь. Снова опускаюсь на край кровати, но тут же поднимаюсь, словно сама себе мешаю. Не могу оставаться на месте.

Наконец заставляю себя идти в ванную, просто чтобы не стоять посреди комнаты.

В ванной свет режет глаза. Слишком ярко. Я включаю воду и подставляю руки под холодную струю. Несколько секунд просто стою так, не двигаясь, позволяя холоду стянуть кожу, вернуть ощущение собственного тела. Потом медленно поднимаю взгляд и встречаю своё отражение.

На секунду, всего лишь на какой-то короткий миг — сбой. Не сразу узнаю себя. В отражении вижу чужое лицо. Такое спокойное, будто ничего не произошло. Я моргаю, и картинка возвращается.

Да.

Это я.

Просто... уже собранная.

Как всегда.

Чтобы держать лицо. Не выдавать бурю внутри себя. Не выказывать эмоции.

Я выключаю воду, вытираю руки, провожу ладонями по лицу.

— Соберись, — тихо повторяю себе, как мантру.

Голос звучит глухо, будто чужой. Но женщина, вымуштрованная годами жить под чужим контролем, уже натягивает привычную маску — спокойную, ровную, непроницаемую.

Я возвращаюсь в комнату, на ходу надеваю халат и оста-навливаюсь у окна.

Город живёт своей жизнью. Свет фар тянется по мокрому асфальту, люди спешат, кто-то смеётся, кто-то говорит по телефону.

Обычный вечер.

Убеждаю себя, что ничего не произошло.

Ни здесь.

Ни со мной.

Как будто ничего не рушится.

Как будто внутри у меня сейчас не пустота, которая начи-нает медленно заполняться чем-то другим.

Чем-то, что я не хочу признавать.

Я стою так какое-то время, не считая минут. Пытаюсь вы-ровнять дыхание, плечи, спину, лицо. Потому что... он мо-жет вернуться. И тогда нельзя будет выглядеть так, как я сей-час себя чувствую.

Когда дверь открывается, я вздрагиваю слишком резко. Сердце на секунду срывается.

Но это не он.

— Мам? — голос Лёши звучит осторожно.

Я обращаюсь слишком быстро, почти сразу.

— Ты уже вернулся...

Он стоит в дверях, внимательно смотрит на меня. Рядом Тамара Ивановна, снимает пальто, спокойно, как всегда.

— Мы были у бабушки, — говорит она мягко, — Сегодня он лучше, чем вчера, как говорят врачи.

— Хорошо, — отвечаю я.

Слова даются на автомате, быстро, без раздумий. И сама это замечаю.

«Спокойно! — сразу же одёргиваю себя мысленно, — Нужно спокойно!»

Боюсь спугнуть сына, он, итак, слишком сдержанный, слишком... особенный.

Тамара Ивановна задерживает на мне взгляд на секунду дольше обычного, как будто что-то хочет спросить. Открывает рот, только не решаясь резко натягивает вежливую улыбку на полувздохе. Потом мягко касается Лёши за плечо.

— Я пойду разберу вещи и заварю чай, — говорит она негромко, скрывая неловкость в движениях, — Если что, я рядом.

И выходит так же тихо, как всегда, не мешая, не задавая лишних вопросов. Она будто почувствовала, но как обычно тактично промолчала.

Я подхожу к Лёше, провожу рукой по его волосам. Он не отводит глаз, будто пытается поймать во мне правду.

— У тебя всё нормально? — спрашивает он тихо.

Я замираю на секунду, и тут же улыбаюсь.

— Конечно.

Он молчит ещё пару секунд, и от этого молчания становится тяжелее, чем от вопросов. Затем проходит в комнату, садится на диван, тянет за рукав свитера.

— Там в больнице есть девочка, — говорит он вдруг, будто между делом.

Я не сразу реагирую. Слова доходят с задержкой.

— Девочка?

— Да.

Он пожимает плечами.

— Она в палате, где много аппаратов.

Внутри что-то тихо откликается. Я сажусь напротив.

— В реанимации?

Он кивает.

— Она почти не говорит, но слушает.

Я смотрю на него, неосознанно сжимаю пальцы.

— И ты с ней разговаривал?

— Немного.

Он смотрит куда-то в сторону, как будто вспоминает.

— Она сначала не смотрела. А потом... посмотрела.

Я чувствую, как в груди становится тесно. Не из-за слов. Из-за того, как он это говорит.

— И что ты ей сказал?

— Ничего особенного.

Пожимает плечами сын, с таким серьёзным видом, что

невольно рассматриваю его с лёгким недоумением, как же быстро мой малыш повзрослел. Внутри меня что-то болезненно сдвигается. До жути хочется прижать его к груди, спрятать от всех невзгод... не красть его детство... он слишком рано стал взрослым. В каждом его взгляде, в каждом жесте, чувствуется, что в нём есть что-то... не по возрасту. Слишком тихое. Слишком осторожное...

Будто в нём осталось что-то от того дня, о котором он никогда не говорит... он увидел то, чего не должен был видеть ребёнок.

Не замечаю, как ухожу глубоко в раздумья, а сын, чуть помедлив добавляет совсем тихо:

— Просто сидел рядом. Ей так спокойнее было.

Я опускаю взгляд. Смотрю на его руки, потом на свои. Пальцы всё ещё помнят чужое давление. На автомате пытаюсь спрятать их, чтобы скрыть от сына эту бессознательную дрожь в теле.

— Ей не было страшно, когда ты был рядом? — спрашиваю я.

Он качает головой.

— Нет. Кажется, даже наоборот, она тогда дышала спокойнее.

Я закрываю глаза на секунду. Всего на секунду, потому что понимаю, о ком он говорит. Открываю глаза и тут же отвожу их — не выдерживаю. Ему это не кажется чем-то значительным.

А для меня...

Это ещё один узел.

И от этого в груди становится тесно. Не из-за девочки. Из-за того, что мой сын сейчас там, где слишком много боли.

Я делаю вдох, и говорю на выдохе:

— Ты молодец.

Он пожимает плечами, как будто это ничего не значит.

— Мам... — смотрит на меня Лёша, — ты завтра пойдёшь туда?

Я поднимаю на него взгляд. На секунду хочется сказать «не знаю». Просто не идти. Не возвращаться туда, где всё снова начинает ломаться. Но это длится долю секунды.

— Да, — отвечаю я, ровно, спокойно, не выражая своего смятения, — Пойду.

Он одобрительно кивает, как будто понимает моё состояние.

— Иди отдыхать, — добавляю я мягче.

Он встаёт и уходит в свою комнату. Дверь закрывается тихо. Я остаюсь одна, снова.

Аккуратно провожу ладонью по волосам, задерживаю дыхание. И вдруг понимаю одну простую вещь.

Я не боюсь идти в клинику.

Я боюсь того, что снова там встречу его.

От этой мысли, снова дрожь окатывает с головы до ног. Прячу лицо в ладонях. Всего на секунду. Потом решительно встаю и выпрямляюсь.

Завтра будет день. И я должна быть готова ко всему. Что бы ни случилось, я не перестану бороться за жизнь девочки. Рядом с ней, я чувствую себя иначе.

Потому что там, где раньше была пустота...

Теперь что-то есть.

Но это пугает гораздо сильнее.

Глава 17. Нестабильность

Я опять почти не спала. В какой-то момент ночь просто закончилась — без границы, без ощущения, что удалось отдохнуть. Я помню, как лежала, глядя в потолок, прислушиваясь к каждому звуку за дверью. Возвращался ли Герман — не знаю. Или не слышала. Или не хотела слышать.

Это сильно выматывает меня.

Когда я вышла из спальни, его уже не было. Только запах кофе в гостиной и идеально убранная поверхность стола, как будто в номере никто и не живёт.

Я и сама не задержалась в номере дольше, чем нужно. Собралась быстро, почти механически, не позволяя себе останавливаться на деталях. Только один раз всё же задержала взгляд на рукавах блузки — плотная ткань, закрывающая запястья до косточки. Провела пальцами по манжете, будто проверяя, не выдаст ли она меня.

Всё в порядке. Всё в норме. И направилась в клинику с твёрдым намерением зайти сегодня к отцу. Не как врач, как дочь.

По утрам в клинике тихо, как обычно. Может пересменка, а может просто момент, когда организм, уже уставший требует отдыха в тишине. В клинике не пусто, просто всё звучит

приглушённо, шаги мягче, голоса ниже. Даже свет, кажется, холоднее, чем есть на самом деле.

Я иду по коридору, не ускоряя шаг, но и не задерживаясь. Слишком спокойная снаружи, и слишком собранная внутри.

У двери отделения я на секунду останавливаюсь. Делаю вдох, ровный, осторожный. И только потом вхожу.

Всё знакомо. Запах антисептика. Тихий писк аппаратов. Дежурная медсестра, которая поднимает на меня взгляд и кивает.

— Доброе утро, Ада Сергеевна.

— Доброе, — нейтрально вылетает ответ, и иду дальше по коридору.

Почти сразу вижу доктора Васильева. Он стоит у поста, разговаривает с кем-то из персонала. Увидев меня, прерывается.

— Вы рано, — говорит он, подходя ближе.

— Хотела посмотреть его до обхода, — почти не лгу я, намереваясь поговорить с отцом хотя бы сегодня, в душе уже кошки скребут.

Мне больно.

Мне страшно.

Но, я устало от этого подвешенного состояния, когда всё перекладываешь на «как-нибудь устаканится».

Он на секунду задерживает взгляд на моём лице. Нерешительно отводит взгляд, а затем возвращает будто колеблясь.

— Ночь была спокойная, — начинает он и запинается, —

но...

Это «но» я слышу сразу. Внутри что-то напрягается.

— Что?

Он делает паузу, как будто подбирает слова.

— Под утро началась нестабильность. Давление скачет.

Реакция на терапию... странная.

Я почти перестаю его слышать и уже тороплюсь к палате отца.

— Странная — это как?

— Сначала отвечал хорошо. Потом откат.

Я киваю, это логично, так бывает, в порядке нормы.

Хотя иногда...

Слишком логично, чтобы быть случайностью.

Открываю дверь в палату и вижу. Отец лежит так же, как вчера. Но это только на первый взгляд. Подхожу ближе, смотрю на мониторы, на дыхание, на лицо.

И понимаю — нет.

Не так же.

Там, где вчера было напряжение — сейчас пустота. Как будто организм устал бороться.

Я беру его руку, она холоднее, чем должна быть.

— Пап... — говорю тихо, почти автоматически.

Он не отвечает, но я и не жду ответа. Я смотрю на показатели, которые будто и ровные, и слишком нестабильные одновременно.

Парадокс.

— Что вы меняли ночью? — спрашиваю, не оборачиваясь.

Тревога начинает бить в колокола, но я сдерживаю дрожь в голосе.

Васильев подходит ближе.

— Ничего принципиального. Поддерживающая терапия, как вы и рекомендовали.

Я задумчиво киваю. Значит, дело не в этом.

Отпускаю его руку, и снова смотрю на мониторы, но будто сквозь них. В голове рассеивается сумбур и чувствую концентрацию на проблеме. Стараюсь смотреть шире.

Сейчас нельзя паниковать, как дочь. Необходимо хладнокровие врача.

— Это не просто откат, — говорю тихо.

— Думаете? — осторожно уточняет Васильев.

Я не отвечаю сразу, всё еще смотрю на экран, затем перевожу взгляд на отца, и снова на экран.

— Он не реагирует так, как должен, — замолкаю на секунду, в голове мелькают мысли, которые не могу уловить, — Мы что-то упускаем.

Васильев молчит. И это молчание лишь подтверждает его согласие. Я чувствую, как внутри включается то самое состояние.

Собранность.

Концентрация.

Без эмоций.

Почти.

— Мне нужны его анализы за последние сутки, — говорю я уже чётче, — Все. И динамика по показателям.

— Сейчас принесу.

Он выходит, а я остаюсь одна. Смотрю на отца, и не могу оторвать от него взгляда.

— Ты всегда был упрямым, — тихо говорю я, голос почти не звучит.

Даже если он не в сознании, всё равно слышит, я просто уверена.

— Значит, сейчас тоже не сдашься!

Решительно выпрямляюсь и поворачиваюсь к двери.

Пора приступать к работе!

И только делаю шаг, как чувствую. Это не звук, не движение, просто ощущение. Как напряжение в воздухе перед грозой.

Я поднимаю взгляд, и вижу его.

Кирилл стоит в проёме двери. Не рядом, но так близко, что становится ясно, он здесь не случайно. Не просто прошёл мимо. Стоял, слышал, и, возможно, видел больше, чем должен был.

Он не делает шаг навстречу. Не отводит взгляда, только смотрит. И в этом взгляде нет привычной насмешки. Ни холодного расчёта. Ничего из того, за что я его сейчас ненавижу. Только напряжение, глубокое, слишком настоящее.

— Как он? — говорит он наконец.

Голос ровный, но в нём нет пустоты. Ощущаются нотки беспокойства, что я на секунду теряюсь, потому что это не вопрос из вежливости. Я это вижу отчетливо по его глазам.

— Нестабильно, — отвечаю коротко.

Он отводит взгляд от отца и глубоко вздыхает, совсем чуть-чуть, почти незаметно. Как будто этого ответа ему достаточно, чтобы снять беспокойства. И только потом его взгляд снова меняется, будто собирается. Становится тем самым, жёстким, закрытым. Будто то, что было секунду назад, он успел отодвинуть в сторону, просто спрятал.

— Понятно, — тихо говорит он.

Время на секунду сбивается.

Слишком много всего сразу: тот поцелуй, затем его взгляд за столом, напряженный голос...

И то, как он сейчас смотрит. Без улыбки, без попытки скрыть.

Слишком откровенно.

Я задерживаю дыхание, лишь на миг и сразу выравниваю. Отвожу взгляд первой. Потому что сейчас — не время. Только тело уже не слушает.

Вынуждаю себя пройти мимо него, мне нужно работать. Собрать все мысли во едино и подумать, что делать дальше. Но я всё равно чувствую его взгляд.

Между лопаток.

Слишком остро.

Глава 18. Последний вариант

Я выхожу из палаты отца и не сразу понимаю, куда иду. Ноги сами несут меня по коридору. Мимо поста. Мимо людей. Мимо голосов, которые звучат как сквозь воду. Пока не останавливаюсь у стеклянной двери.

Детская реанимация.

Поражаюсь своей выдержке, что смогла дойти хоть и на автомате до нужного пункта назначения. Перевожу дыхание и толкаю дверь.

Здесь тише, чем в самом детском крыле. Возможно, от этого на сердце становится тяжелее. Аппараты звучат мягче, но от этого только страшнее. Маленькие кровати. На них сложно смотреть без слёз.

Вхожу в палату девочки и нахожу её взглядом. Та же тонкая фигурка среди проводов и датчиков. И всё также, молча лежит либо спит.

Я подхожу ближе, и в груди становится тесно, почти физически. Она дышит, но это дыхание не её.

Аппарата.

— Ада Сергеевна, — негромко окликают меня.

Я оборачиваюсь.

Заведующий отделением уже идёт ко мне. Рядом, ещё один врач, которого я видела на консилиуме.

— Мы ждали вас, — говорит он.

— Что по динамике? — спрашиваю сразу, едва они подходят.

Виктор Михайлович на секунду опускает взгляд на карту.

— Состояние тяжёлое. Без ухудшения... но и без улучшения.

Это плохой ответ. Самый плохой, в данной ситуации. И я тут же смотрю на мониторы.

— Оборудование привезли? — спрашиваю, сдерживая тревогу внутри себя.

— Да. Всё, о чём вы говорили, уже установили.

Я задумчиво киваю. Значит, вопрос не в этом.

— Тогда в чём проблема?

Врачи выдерживают паузу, еще больше угнетая своим молчанием. И этого хватает, чтобы я всё поняла ещё до ответа.

Заведующий медленно выдыхает.

— В операции.

Я перевожу взгляд на него.

— Конкретнее.

Тяжёлый вздох и он разводит руки.

— Техника есть. Условия есть. Но... специалиста такого уровня здесь нет.

— В столице? — спрашиваю я, невольно сжимая пальцы.

— Есть.

Я уже понимаю, что будет дальше, и всё равно спрашиваю:

— Тогда переводите.

Он качает головой:

— Она не доедет.

Голос тихий, но разочарование в нём слышится слишком отчётливо, как приговор. Внутри что-то холодеет.

— Хорошо. Тогда вызывайте.

— Очередь. Квоты закрыты.

— Тогда подключайте административный ресурс, — говорю резче, чем собиралась, — Я сейчас же позвоню Герману Павловичу.

Оба врача переглядываются, и этого достаточно, чтобы внутри всё сжалось.

— Мы уже связывались, — осторожно говорит заведующий. — Буквально... минут десять назад.

Я замираю.

— И?

— Это не тот уровень решения. Без квот такие вещи не проходят. Даже при его возможностях.

Виктор Михайлович чуть мнётся, замолкает на секунду, и безнадёжно выдыхает:

— Нам прямо сказали, только в рамках системы.

Я смотрю на него, и впервые за весь разговор чувствую, как почва уходит из-под ног. Потому что если даже он...

Значит, вариантов действительно нет.

Виктор Михайлович стоит, как прибитый, а врач рядом, что молчал всё это время включается в разговор:

— Мы пытались. И даже, если найдётся лазейка, чтобы подключить административный ресурс... это не быстрый процесс.

Я усмехаюсь, глухо, неожиданно, потому что внутри поднимается злость на эту бюрократию и порой несостоятельность системы.

— А у нас есть время?

Он не отвечает.

И это тоже ответ.

Я смотрю на девочку, на её руки, на лицо. Сердце больно сжимается при осознании нашей беспомощности. Переминаюсь с ноги на ногу, рука непроизвольно поглаживает лоб вынуждая меня думать, искать выход. И в этот момент накрывает сразу.

Господи!

Что за напасть такая?!

Столько всего навалилось. И всё разом.

Отец — там, за стеной, будто уходит у меня из рук. Здесь — ребёнок, у которого почти нет времени.

И я между ними. С пустыми руками. Без единого рабочего выхода.

Отец.

Девочка.

Сроки, которых почти нет. И это давит так, что становится трудно дышать.

Я стою, не зная, за что ухватиться. На какой-то миг за-

мираю, чувствуя, как в груди всё начинает сбиваться в один тяжёлый, бесполезный ком. Ещё немного, и меня просто накроет паника.

Начинаю цепляться за любую соломинку.

У отца в прошлом были не только деньги, но и связи.

— Частно? — тихо спрашиваю в надежде на спасение.

— Это возможно, — осторожно говорит второй врач, — Но...

— Но? — я даже перестаю моргать, вся во внимании.

— Это дорого. Очень. И такие решения быстро не принимаются. Особенно с привлечением специалистов такого уровня.

Я медленно киваю, чувствуя, как пальцы сами сжимаются сильнее, чем нужно. Слишком знакомая формулировка.

«Не сейчас».

«Не быстро».

«Не факт».

Отчаянный вздох вырывается из меня с ощущением полного провала. Я отвожу взгляд. И в этот момент слышу:

— Если только через инвесторов проекта...

Фраза звучит, как будто, между прочим, но попадает в самую цель.

Я замираю.

— Что?

Заведующий будто не сразу понимает, сказал ли лишнее.

— У них есть ресурсы. Контакты. Возможность привезти

специалистов быстрее, чем через систему.

Я не спрашиваю, кого он имеет в виду. Мне это и не нужно. Я уже знаю. Достаточно хорошо знаю.

Я снова смотрю на девочку, снова на мониторы.

Взгляд опускается ниже, и я смотрю на свои руки. Пальцы сжимаются сами собой. Внутри поднимается что-то тяжёлое: сопротивление, злость, страх.

И ещё что-то.

Гораздо хуже.

Я делаю вдох. И медленный, долгий выдох.

— Сколько у нас времени? — спрашиваю тихо.

— Часы, — отвечает он после паузы. — Может, сутки. Но не больше.

Я закрываю глаза. Всего на секунду, но этого хватает. Когда открываю, внутри уже нет колебаний.

Только решение.

— Подготовьте всё, что можно без хирурга, — поворачиваюсь к врачам, и говорю спокойно, — Анализы, расчёты, всё, что потребуется для операции.

— Хорошо, — облегченно говорит Виктор Михайлович и протягивает мне папку, — Мы как раз рассматривали этот вариант и готовили отчёт.

— Я сама с ним поговорю, — решительно заявляю в этот момент и благодарно киваю за их оперативную работу, — Немедленно.

Разворачиваюсь, и иду к выходу. С папкой в руках и твёр-

дым намерением сделать всё возможное для спасения девочки. Шаги мои ровные, уверенные. Даже слышу, как каблуки чётко отбивают ритм, слишком звонко для мягкого ковра. Или это просто стук сердца эхом отдаётся в ушах.

Я не знаю.

Потому что сейчас, не это важно.

Не страх, не волнение, не тревога. А отчаянное желание не упустить единственный шанс для девочки-сиротки, за жизнь которой некому бороться кроме нас, врачей.

Иду не задумываясь, без сомнений.

Как будто я не иду к нему.

Как будто у меня есть выбор.

Но внутри я уже знаю.

Нет!

Выхожу в коридор и только там на секунду сбавляю шаг. Папка тяжелеет в руках, будто в ней не бумаги, а приговор. Я слишком хорошо понимаю, к кому сейчас иду. И всё же продолжаю идти.

Потому что останавливаться уже поздно.

Иначе, я не могу!

Глава 19. Давление

Я нахожу его не сразу. И, кажется, именно это даёт мне лишние несколько минут — собраться, выровнять дыхание, убедить себя, что я иду сюда как врач.

Только как врач.

Он в переговорной зоне на втором этаже.

Стеклянные стены. Полузакрытые жалюзи. Стол, на котором разложены бумаги и планшет. Чужая территория.

Его территория.

Он стоит спиной ко входу, что-то просматривает. Плечи расслаблены, но я слишком хорошо помню, что это обман.

Я останавливаюсь у полуоткрытой двери. Могу уйти. Ещё есть время. Именно сейчас, пока он не обернулся. Пока всё ещё можно сделать вид, что я просто ошиблась.

Но я уже знаю, что не уйду.

Я стучу, так тихо, почти неслышно, будто боюсь, что передумаю. Он не оборачивается сразу. Стоит так, будто знал, что я приду.

— Войдите, — говорит чуть погодя.

И я толкаю дверь. Делаю шаг внутрь, прикрываю за собой дверь, которая закрывается за мной слишком тихо. Будто не желает спугнуть тишину помещения. И в этой тишине вдруг становится слышно всё: дыхание, шаги, даже то, как пальцы

сжимаются сильнее, чем нужно.

Он наконец оборачивается. И вроде как, всё обыденно. На секунду ничего не меняется. Ни выражение лица, ни взгляд, ни расстояние, между нами. А потом его глаза чуть темнеют, едва заметно, но я это вижу.

— Значит, всё-таки пришла, — произносит он спокойно.

Без вопроса, без удивления, лишь констатация неотвратимого. Я делаю еще шаг и останавливаюсь. Стараюсь держать дистанцию.

— Мне нужна помощь, — говорю прямо, без предисловий.

Он будто задумчиво чуть склоняет голову, и смотрит. Пристально смотрит, слишком долго, внимательно.

— Конечно, — отвечает он размеренно, не торопясь, с паузами, — Вопрос только, какая именно?

Я сжимаю пальцы.

— Девочка из реанимации. Ей нужна операция. Срочно. Специалист есть, но...

— Но система не работает, — перебивает он спокойно.

Я замолкаю.

— Квоты, очереди, сроки. Всё, как всегда.

Он делает шаг ко мне. Всего один шаг, но этого достаточно, чтобы воздух между нами стал плотнее.

— И ты решила, что я могу это решить, — продолжает он.

Пренебрежение в его голосе режет без ножа, потому что он не спрашивает.

Высокомерно утверждает.

— Да, — чуть слышно выдыхаю, а он смотрит на меня так, будто этого ответа ждал.

— Могу, — говорит он после паузы.

И снова тишина. Она опасна не тем, что слишком длинная. Она вполне понятная, ясная, как белый день. Я чувствую, как внутри что-то сжимается.

— Тогда... — начинаю я.

Он не даёт договорить.

— Скажи это нормально.

И я снова замираю.

— Что?

Он подходит ближе, ещё на шаг. Теперь расстояние, между нами, очень рискованное, до неприличия.

Для меня.

— Попроси, — тихо говорит он, голос становится на тон ниже.

Произносит спокойно, но я чувствую, что в нём уже нет нейтральности.

— Я прошу, — отвечаю сразу.

Так быстро, что он чуть усмехается. При этом, без радости.

— Нет, — одно лишь слово, но голос стелется, как бархат.

Даже в движениях Кирилла проскальзывает что-то хищное. Очередной шаг, и я чувствую его запах. Такой знакомый, слишком неправильный сейчас, что ощущаю, как му-

рашки пробегают по коже.

— Ты просишь не так, — почти шепотом говорит он.

Я поднимаю на него взгляд, и понимаю, что он имеет ввиду абсолютно другое. И это никак не связано ни с формулировкой, и тем более с самими словами.

Вообще не про них.

— Кирилл...

Имя срывается само. Нервно сглатываю не в состоянии что-то сказать еще. И в эту секунду всё меняется. Его взгляд становится

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.